

ЗА

Артур Кузнецов

ГРАНИЦЕЙ

Истории о поиске и возвращении детей,
потерянных судеб и иллюзии свободы

18+

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРРОДИЕШ

Артур Кузнецов

За границей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74536826

За границей:

ISBN 978-5-907982-70-3

Аннотация

Автор – майор полиции в отставке, ныне – международный адвокат, защищающий интересы доверителей в сложных семейных конфликтах в России и за рубежом. Этот опыт дал ему редкое «двойное» зрение: он знает, как устроен закон изнутри, и видит, как он перестает работать за границей.

Эта книга – сплав юридического детектива и психологического исследования. На реальных международных делах показано, как право становится оружием, медиа – инструментом давления, а силовые структуры – аргументом в споре. За фасадом благополучия скрыта жесткая игра, где дети превращаются в заложников, а любовь и семья – в разменную монету в борьбе за влияние и ресурсы.

Эти истории заставляют не просто понять, как действуют скрытые механизмы власти, – они позволяют почувствовать боль, страх и надежду их героев.

«Никакие законы, границы или статусы не защитят нас, если мы не научимся слышать друг друга, – говорит автор. – Может

быть, кто-то, прочитав эти истории, остановится и задумается о последствиях своих поступков. В этом и есть миссия этой книги».

В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

Введение	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	34
Глава 3	53
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Артур Кузнецов

За границей

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Кузнецов А.Р., 2026

© ИД «Городец», 2026

© Урсул А.И., иллюстрации, 2026

Книга основана на реальных событиях

Часть персонажей указана под своими настоящими именами – с согласия участников.

Остальные герои и обстоятельства частично вымышленны, объединены или изменены ради защиты частной жизни, без искажения сути происходивших событий

Авторские суждения отражают его личную точку зрения и не направлены на причинение вреда чьей-либо репутации

Введение

«За границей» – это не о географии и точках на карте, откуда возвращались похищенные дети. Это книга о границах власти, контроля и иллюзий, за которыми скрывается реальный мир.

Здесь не только про международные барьеры и юридические битвы, но и про более сложные механизмы, которые управляют людьми.

Мне довелось столкнуться с множеством дел, суть которых сводилась к одному – один из родителей увозил ребенка за границу без согласия второго родителя.

Некоторые из тех, кто прошел через это испытание, дали благословение поделиться их историями открыто. Я расскажу о них без прикрас, так, как видел все случившееся изнутри.

Но есть истории, требующие особой деликатности. В них изменены имена, места и детали, потому что без этого нельзя. За каждой строкой стоит чья-то жизнь, чья-то боль, и наша задача – уважать их право на приватность.

Пролог

Когда на экране высветилось его имя, я почувствовал холод, бегущий по спине. Руслан. Обычное сообщение, простая фраза, но в этом имени скрывалось слишком многое. Я перечитал текст несколько раз: «Привет, это Руслан из МСК». Как будто ничего не произошло.

Руслан и Марианна. Эти двое стали отправной точкой истории, которая изменила не только их жизни, но и мою. Он – человек, которого считали владельцем бизнес-империи, а на самом деле он лишь играл роль в чужом сценарии. Она – женщина, которая думала, что вышла замуж за деньги и свободу, но не учла, что деньги никогда не бывают по-настоящему свободными.

Я не сразу понял, что стал свидетелем истории, в которой нет случайных ходов. Люди, казавшиеся сильными, оказывались пешками в руках людей, которые играли эту партию. Все, что я думал о справедливости, о законе, о контроле над собственной судьбой, оказалось иллюзией.

Это было начало марта 2025 года. Турция, Стамбул, район площади Таксим. Я вспомнил последние шесть лет моей свободы, с чего все началось...

Глава 1

Начало свободы. Буэнос-Айрес

Начну рассказ с 2019 года. Возможно, если бы не череда случайностей, я бы никогда не оказался погружен в дела, которые связаны с международным похищением детей.

На тот момент я работал в Архангельске. Являлся действующим сотрудником правоохранительных органов, противодействовал организованной преступности.

Меня ждал перевод в Москву. Был написан рапорт. Это должен был быть серьезный карьерный взлет, от которого мне пришлось отказаться.

Итак, январь 2019 года. За 15 лет службы набралось достаточно отпусков, и я решил съездить домой и отдохнуть в Сочи.

Именно там начались события, после которых типичные российские пейзажи сменились на роскошные виллы в Монте-Карло и Каннах, достопримечательности Рима и Парижа, пляжи Майами и Лос-Анджелеса, рельефы Кремниевой долины в Сан-Франциско, видами ночного Лас-Вегаса и самого известного города в мире – Нью-Йорка. Были командировки по странам и городам, в которых я и не мечтал побывать из-за ограничений на зарубежные поездки в связи с допуском к гостайне.

Несмотря на красоту того мира, который мне довелось увидеть, я столкнулся с его изнанкой, теневой стороной. С миром, в котором родители увозят своих детей на край света не из-за родительской любви, а из-за жажды наживы, мести и предательства.

Первая история, давшая всему начало, случилась в Сочи. Я и представить не мог, что она приведет меня в Буэнос-Айрес и заставит вникнуть в нюансы Гаагской конвенции¹.

В общем, ко мне обратился мой друг Сергей, который работал адвокатом. Он попросил оказать посильную помощь с одним делом. Речь шла о поиске ребенка. К тому моменту у меня был 15-летний опыт оперативной работы, в том числе – поисков людей по всему миру. Каждый раз мы находили всех, кто пытался сбежать или прятался от правосудия. Правда, делали все дистанционно. Не покидая пределов России.

Позже вместе с Сергеем мы дважды полетим в Аргентину и дважды поедем на телевизионную программу к Андрею Малахову, чтобы на всю Россию поведать о том, как бывший муж украл и увез дочь Олеси Смирновой в США. Но об этом я расскажу в свое время.

Отпуск казался размеренным. Дни как будто за цикливались на самих себе. Было не то чтобы скучно, но и какая-никакая деятельность не помешала бы. Тем более я ждал пере-

¹ Гаагская конвенция – международное соглашение о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей.

вода и все свои дела на предыдущем месте передал коллегам. Так что я из интереса согласился.

Вот в чем было дело, с которым ко мне обратились.

К Сергею пришел мужчина около 50 лет с проблемой. Мужчину звали Георгий.

Сначала расскажу о герое. Георгий оказался предпринимателем, очень небедным человеком, владельцем ресторанов и недвижимости в Сочи.

У него была жена, дети. Еще у него была любовница, которая родила внебрачного сына. Несмотря на то, что она сама была замужем, ее официальный муж был не против связи с Георгием.

После того как родился ребенок, Георгий приходил к ним домой. Пока он веселился на первом этаже с сыном, ее настоящий муж играл на втором этаже в компьютерные игры. К тому же они постоянно с официальным мужем приезжали в рестораны Георгия и брали домой еду, приготовленную шеф-поварами. И это всех устраивало. Тогда меня удивил такой семейный уклад жизни, но в последующих делах мне доведется увидеть и не такие отношения между родителями. Это было начало.

Георгий взял на себя обеспечение ребенка: сделал игровую комнату, нанял няню, ежемесячно платил любовнице, чтобы сын ни в чем не нуждался. Подарил няне квартиру рядом с домом, чтобы она была всегда рядом. Он мечтал о наследнике, и в нем жила искренняя отцовская любовь.

Все это мне рассказывает Сергей, постепенно вводя в курс дела.

Любовница работала в администрации Сочи, и ей предложили поехать на повышение в Москву. Она поставила Георгию ультиматум: либо ты платишь мне по полмиллиона рублей в месяц на содержание, либо я уезжаю на новое место работы за тысячу километров от Сочи.

Он не смог с ней договориться. Она уехала.

Георгий подает в суд. Он хочет, чтобы суд вынес решение об опеке над его сыном в его пользу.

Подключает связи, и суд выносит решение, что ребенок должен проживать с отцом, а матери положено несколько встреч в неделю.

После чего она с его ребенком исчезает с места, где проживала, при этом инсценируя похищение, чтобы в дальнейшем обвинить Георгия в преступлении. Следственный комитет возбуждает уголовное дело.

Последнее, что выясняется в рамках расследования уголовного дела, – это видео с камер наблюдения одного из аэропортов Москвы и неофициальная информация, что его сын с матерью вылетели за границу из Минска. На этом их след обрывается.

Расклад неутешительный – женщина в бегах, Георгий полтора года не видел сына, об их местонахождении прямо сейчас ничего не известно. Проблема, с которой меня просили помочь, следующая: найти их. Я решил попробовать.

С этого момента начинает происходить очень много самых разнообразных событий, которые я попытаюсь изложить максимально кратко. Ровно в той мере, чтобы не упустить ничего по-настоящему важного.

Я начинаю погружаться в эту историю. Знакомлюсь с Георгием. Он – гражданин России и Грузии. Он пытался задействовать СМИ, поднял связи в органах, обращался к влиятельным людям из правительства, пытался подкупить ее адвоката, но все равно спустя год не смог узнать даже страну, где находится его сын.

Мы начали работу с Сергеем. Я изучил всю имеющуюся в сети информацию о том, как вернуть ребенка из-за рубежа. Так я в первый раз узнал про Гагскую конвенцию.

В тот период у меня был знакомый, который работал в посольстве России в Колумбии. Ему я и позвонил.

Рассказал ситуацию. Он посоветовал направить письма в посольства и консульства России. Задача была чрезвычайно масштабной.

У нас появился план – отправить в центральные органы всех стран – участниц Гагской конвенции письма с запросами о правовой помощи. Раз след обрывался в Минске, мы решили, что нужно сначала получить информацию оттуда и сузить круг. Вместе с Сергеем и Георгием мы составили запрос в Пограничное управление КГБ Республики Беларусь. Не буду погружаться в бюрократические детали, скажу коротко – это обычный запрос о местонахождении людей, ко-

торый связан с решением суда о том, что ребенок должен жить с отцом.

Через неделю Сергей позвонил в Минск. Они сказали: «Приезжайте, есть ответ».

Лететь в Минск мне было нельзя. На тот момент я все еще являлся действующим сотрудником органов, и у меня были ограничения на любые поездки за рубеж.

Сергей поехал сам, получил нужные бумаги. Оказывается, сын с матерью из Минска вылетели в Германию – во Франкфурт-на-Майне, Рейн-Майнский аэропорт.

Георгий через свои связи нашел адвокатов в Германии, которые в телефонных звонках подтвердили, что по их информации ребенок находится в их стране, Георгию нужно срочно прилетать и начинать поиски в Германии. Соответственно, за свои услуги они хотели получить гонорар.

События ускоряются. Георгий думает лететь в Германию. Я не верю в эту историю и считаю, что это была промежуточная точка.

У меня новый план – теперь разобраться с Франкфуртом-на-Майне. Я снова заморачиваюсь со всеми документами по Гаагской конвенции от имени Сергея. Ведь именно он – законный адвокат Георгия. Переводим на немецкий и отправляем в Германию.

Звоню в Германию по тем контактам, которые нашел на сайте Гаагской конвенции. В телефоне только гудки. Звоню ежедневно по несколько раз в день. Проходит неделя.

В какой-то момент на той стороне телефона отвечает женщина, представляется прокурором Министерства юстиции Германии и говорит, что у нее есть информация. Обещает перезвонить.

Георгий в шоке. Полтора года он, его адвокаты и связи топтались на месте. Теперь дело сдвинулось с мертвой точки. Понадобилось меньше месяца с того момента, как я подключился к делу, чтобы получить важнейшие сведения о местонахождении ребенка.

Женщина из Германии перезванивает. Она дает четкую информацию: «Ребенок с матерью улетели из страны в течение нескольких часов после прилета из Минска».

Мы снова звоним адвокатам в Германию и передаем слова прокурора. Они уже не так категоричны в том, что ребенок по-прежнему в Германии, но продолжают стоять на своем.

Из зацепок – только Рейн-Майнский аэропорт и дата вылета. Никакой конкретики с рейсом и страной назначения прокуратура Германии дать не смогла.

Я несколько дней потратил на то, чтобы получить всю информацию о вылетах из аэропорта, которые состоялись в тот самый день. В службах поддержки агрегаторов аэропортов говорили, что так долго данные сведения не хранятся. Я чудом получил эти сведения. У меня получилось 33 страны. Я выписал на листе А4 и поставил сверху дату: «29.01.2019».

Мы вернулись к первоначальному плану. Начали отправлять по очереди во все 33 страны документы на основании

Гаагской конвенции. Со всеми странами началась переписка. Мы нанимали переводчиков, занимались документами, составляли запросы и разбирались с ответами.

Меня впечатлил размах. Я нахожусь здесь, в Сочи, и получаю ответы из самых далеких уголков планеты. Возможно, именно это чувство масштаба так глубоко поразило меня, что я решил отказаться от повышения и отправил рапорт об увольнении на пенсию.

Что происходит дальше?

Первым делом я начинаю с нужных мне органов США и Великобритании. Дело в том, что, по информации Георгия, у женщины, кроме него, были любовники – бывшие коллеги, которые переехали в Лондон и в Майами. Мы сосредоточились на двух странах.

Из Великобритании пришла информация: нужны документы. Напишите адвокату Хелен Блэкберн², которая будет заниматься вашим кейсом³. Из США поступил более конкретный ответ – на территории США сына с матерью нет.

В Великобритании связываюсь с адвокатом Хелен Блэкберн. Начинается переписка, несколько раз мы созваниваем-

² Хелен Блэкберн – имя адвоката, специализирующегося на семейном праве в Великобритании.

³ Кейс (от англ. *case* – дело) – в американской правовой системе обозначает юридическое разбирательство или спор, рассматриваемый в суде. Это может быть как гражданское дело между частными лицами или организациями, так и уголовное дело, возбужденное государством против лица, обвиняемого в преступлении.

ся. Я заполняю все необходимые формы для суда и предоставляю документы, которые запрашивает Хелен. Хелен подает согласно Гаагской конвенции в Высокий суд в судебный отдел по семейным делам Лондона все документы, чтобы установить местонахождение ребенка. Мы думаем, что нашли зацепку и мать с ребенком находятся в Лондоне с тем самым любовником.

В этот момент у меня заканчивается отпуск, мне нужно возвращаться, но я не могу все бросить и вернуться на службу. Я сажусь на больничный – появившиеся во время службы протрузии периодически о себе напоминали, и пришло время начать лечение. Остаюсь в Сочи еще на месяц.

Удаленно мы ведем процесс в Лондоне. Проходит несколько судебных заседаний. Хелен постоянно на связи и сообщает о ходе дела.

Параллельно я продолжаю отрабатывать альтернативные версии. Нашел российского адвоката исчезнувшей любовницы Георгия. До встречи со мной Георгий пытался его подкупить за 100 тысяч долларов США, чтобы узнать страну, где находится его сын, но тот отказался. Я проанализировал его соцсети. Изучив его странички, обнаружил его детей. Как я понял, один из сыновей жил в Буэнос-Айресе. Мы дополнительно перевели нужные документы на испанский, отправили во все страны Латинской Америки, в том числе и Аргентину.

Параллельно шел судебный процесс в Великобритании.

Идея с Буэнос-Айресом не отпускала меня. Еще я вспомнил про разговор с отцом любовницы – он был на нашей стороне, но не обладал какой-то нужной информацией. В одном из разговоров он сказал, что когда-то давно, сидя на кухне, его дочь сказала, что хотела бы жить в далеком Буэнос-Айресе.

Через список адвокатов в Аргентине МИД РФ я нашел русскоязычного адвоката в Аргентине. Потом отправил оригиналы документов через DHL в центральный орган по Гаагской конвенции в МИД Аргентины. Созвонился с аргентинским адвокатом. Дальше начал давить на него, чтобы он туда сходил. Задача одна – найти ребенка.

У меня заканчивается больничный, и я принимаю окончательное решение об увольнении на пенсию. Масштаб берет свое. Я решил, что система мне не нужна. Она стала слишком тесной и неинтересной. Меня долго отговаривали, но решение уже было безвозвратно – мне было слишком интересно то, куда я оказался втянутым.

В день выхода на пенсию я собрал своих сотрудников и коллег в Малых Корелах под Архангельском. В этот же день прошел суд в Лондоне. Разыскиваемых в Великобритании нет.

К этому времени пришли ответы из большинства стран, что ребенок и мать не въезжали в страны из списка.

Мы понимаем, что они должны быть в Аргентине. Мы продолжаем работать с бумажной волокитой, запросами и

переводами.

В какой-то момент Георгий приезжает в офис, начинает волноваться. Он говорит, что прошло четыре месяца, а мы не продвинулись. И это после того, как полтора года он с могущественными связями даже о стране нахождения сына ничего узнать не мог.

У меня появляется новый план. Любовница Георгия работала в администрации и смогла за время службы отжать несколько дорогостоящих земельных участков у моря. Мы узнаем, что у нее заканчиваются деньги и она их продает. Я получаю информацию, что один из земельных участков продает ее муж, который остался в России и по доверенности вел все ее дела.

Новая стратегия была такова: нужно было приблизиться к ее мужу, выступить потенциальными покупателями их земельного участка и узнать всю информацию о местонахождении жены, то есть выяснить все оперативным путем. Имея 15 лет стажа работы в оперативных подразделениях, для меня это было просто.

Я позвонил ему по объявлению. Мы договорились посмотреть участок.

Я поехал туда, за 50 километров от Сочи. Мы встретились. Начал расспросы, естественно представляясь другим именем, чтобы узнать все, что мне нужно.

– А что ты? Чем занимаешься? Женат? Участок в браке был приобретен?

– Да, все на жену оформлено, от нее согласие на продажу будет.

Я смотрю участок. Вызываем кадастрового инженера, чтобы поставить точки, границы участка и еще больше убедить его, что я являюсь реальным покупателем.

– Где жена, она будет на сделке? – спрашиваю я.

– Не, она не может приехать, она в Америке. В Южной Америке. Сделка будет по доверенности.

Он всю эту же историю рассказывает уже с другой стороны. По его версии: Георгий преследует его жену. Платит судьям и всем, кому возможно, чтобы забрать ребенка.

Муж полностью ее поддерживает. Сказал, что они сами хотели добиться нужного решения суда, но ей позволили встречи с сыном только два раза в неделю. Что он купил весь сочинский суд. Именно это решение стало ее стимулом к побегу.

Одну и ту же историю всегда можно подать с двух сторон. Если есть конфликт, значит есть две правды. И обе версии подкреплены аргументами и верой в свою правоту.

Я понимаю, что мы можем узнать местоположение разыскиваемой через сделку о купле-продаже земли, для которой обязательно нужно будет согласие на продажу, так как участок был приобретен в браке. Он сам нам принесет документы, и через них мы получим информацию о том, где и у какого нотариуса она подписывала согласие на продажу участка, а самое главное – адрес, по которому она проживает в

Буэнос-Айресе.

Я привлекаю своего знакомого. Мы заключаем предварительный договор. Для этого берем деньги у Георгия, чтобы оплатить задаток. Но это дело не одного дня. Все затягивается. Согласие мы пока не получаем. Он говорит, что нужно время ей сделать документы, мы ждем.

Вскоре приходит официальный ответ из МИД Аргентины. Мать и ребенок – в Буэнос-Айресе.

В начале сентября мне из миграционной службы приходит уведомление, что мой загранпаспорт готов. Получаю его.

В этот же день я покупаю всем билеты в Буэнос-Айрес. Состав выдающийся: я, Георгий, Сергей и няня ребенка Лилия. Для Лилии это был вообще первый полет на самолете, нам нужно было из Сочи вылететь в Стамбул, затем из Стамбула в Буэнос-Айрес с технической остановкой в Сан-Паулу, Бразилия. В этот момент больше всего я был восхищен Лилией.

Предварительно я отправляю письмо в центральный орган по Гаагской конвенции – МИД Аргентины. Объясняю, что мы вылетаем и требуем встречу на официальном уровне. Встречу в МИД назначают на 15 сентября 2019 года.

Я в очередной раз подумал о том, что не зря написал заявление на увольнение. Возможно, в жизни не довелось бы побывать в Аргентине, о которой я знал только по сериалу «Дикий ангел» с Наталией Орейро. Каждый вечер с родителями мы смотрели серию за серией по телевизору. Масштаб

снова подстегивает.

В Буэнос-Айресе я бронирую нам жилье на две недели. Роскошную квартиру в районе Реколета в 600 квадратных метров с пятью спальнями. Да еще и в пять раз дешевле стандартной цены – в сентябре в Аргентине, видимо, не сезон. Это была самая большая квартира из всех последующих командировок.

Мы прилетаем. Георгий выходит в Буэнос-Айресе на грузинскую диаспору. Они дают нам контакты майора в отставке Давида. Он выступает одновременно и в качестве гида, и в качестве водителя, и в качестве охранника. В Аргентине в 2019 году было очень беспокойно. Забегая вперед, несколько раз у меня пытались вырвать из рук мой телефон. И бомжи, забирающие у тебя на глазах твою еду, оставили неизгладимые впечатления об этой стране.

Дальше происходит знаковое заседание в МИДе Аргентины, где в руках сотрудников я вижу документы, которые я отправлял из Сочи. Нам говорят:

– Подтверждаем официально. Те, кого вы ищете, – в Буэнос-Айресе.

И заключают следующим:

– У нас это первое дело по Гаагской конвенции с Россией. Будем разбираться.

И снова начинается бюрократическая волокита, главное свойство которой – ожидание. Ответов не дают сразу, потому что боятся, что сделают что-то не так.

Оказалось, что сбежавшая женщина запросила в Аргентине политическое убежище. Так что никаких адресов нам никто не дал. Даже грузинская диаспора со своими связями оказалась бессильна, что уж говорить про официальные органы.

Параллельно, находясь в Аргентине, я общаюсь с тем самым мужем разыскиваемой, у которого мы должны были купить земельный участок. Наконец-то дело продвигается дальше. Он мне отправляет нотариальное согласие от жены. Там написан адрес в Буэнос-Айресе и адрес нотариуса, у которого она делала нотариальное согласие на продажу земельного участка несколько дней назад. Сомнений не остается – они где-то рядом.

Мы вызываем Давида.

Едем по адресу. У консьержа выясняем, что в этой квартире, где она была зарегистрирована, уже никто не живет.

Следует на секунду отвлечься и рассказать про уникальную особенность Аргентины. У них может быть ужасный дом: обшарпанный, обветшалый, как будто под снос. Но внутри все равно будет блеск и мрамор. Подъезды внутри – как произведение искусства. И в каждом подъезде – консьерж.

Консьерж нам рассказывает, что, мол, да, жила семья. Снимали тут квартиру. И они съехали пару месяцев назад с этого адреса.

Теперь все окончательно подтверждается. Они где-то

здесь – в Аргентине, и Георгий в каждом встречном ребенке начинает узнавать своего сына. И действительно, аргентинские дети очень были похожи на него.

Положительной главной чертой Буэнос-Айреса были огромные бесплатные парки с зеленью, деревьями, прудами и животными. И очень много людей сидели, спали, ели, общались, лежа на траве. Гуляя по паркам, мы и сами много раз во встречаемых детях узнавали сына Георгия. Смотреть на это было больно. Но мы еще тогда не знали, что данная встреча не могла произойти здесь.

В МИДе говорят, что суд будет назначен через полтора месяца, примерно в декабре, а нам уже пора было улетать, так как сразу были куплены билеты туда и обратно. Теперь я понимаю, исходя из опыта нескольких десятков похожих дел, что нам нужно было оставаться, привлекать психологов, медиаторов, договариваться. Но тогда никто ничего не знал. Мы понадеялись на официальные органы и на местного адвоката, с которым продолжали поддерживать связь.

Мы улетаем обратно в Сочи. Нам говорят, что суд будет в декабре и мы сможем провести его дистанционно, но Георгий хотел увидеть сына, сказать ему, что его любит. Поэтому, как только стала известна дата суда, я сразу купил нам билеты. В этот раз мы полетели без няни.

В октябре, ноябре дело продолжалось дистанционно, но мы не знали точного адреса ребенка. Мы вместе – я, Сергей и Георгий – сидели в офисе в Сочи и думали, что делать даль-

ше. И здесь мы тоже смогли найти выход.

Мы придумали, что заплатим консьержу, с которым обменялись контактами. Пообещали ему: «Если сможешь найти людей, которые жили в твоём подъезде, получишь приличную сумму денег».

От него пришел ответ.

Знакомые консьержа видели ребенка в другом районе Буэнос-Айреса – в нескольких километрах от прежнего адреса. Мы начали раскручивать его на дальнейшие действия.

В итоге их нашли. Увидели на улице, потому что ежедневно специально ездили и искали их, чтобы получить деньги. Сначала записали номер дома и установили этаж.

Отправили на адрес Давида – через связи Георгия. Чтобы понаблюдать и собрать информацию. Около дома он увидел полицейских. Как оказалось, ей назначили охрану из аргентинских полицейских – она запросила политическое убежище из-за того, что ей якобы грозит опасность от Георгия и «грузинской мафии».

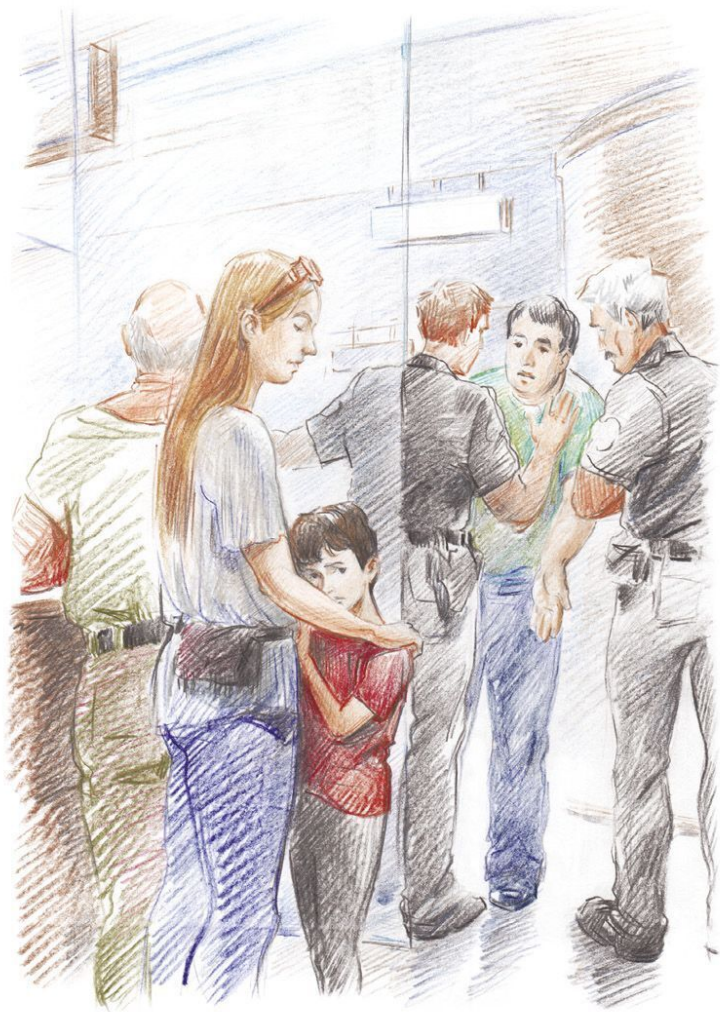
В декабре назначили судебное заседание, и мы снова тем же маршрутом прилетели в Буэнос-Айрес. Я, Георгий и Сергей. На следующий день мы пошли в семейный суд Аргентины, который располагался на пересечении проспектов Лавалье и Либертад, слева от здания Верховного суда Аргентины на третьем этаже. Там и случилась роковая встреча.

Мы уже были в суде, когда зашла его бывшая любовница с его сыном. Георгий, увидев его, разрыдался. Он начал кри-

чать:

– Сынок, я тебя люблю, не верь им. Я тебя люблю, сынок.

Перед ним и сыном стали полицейские, боль рвалась из него наружу от бессилия, он продолжал кричать:

– Сынок, я тебя люблю, не верь им. Я тебя люблю, сынок.
Сынок...

Я никогда – даже впоследствии, когда дела были намного масштабнее и удивительнее, – не сталкивался с такими проявлениями отцовской любви, эмоций и боли. Я сам еле сдерживал эмоции, но успел снять это все на видео. Он не мог подойти к сыну без решения суда, полиция продолжала его останавливать, но его было не остановить.

– Сынок, я тебя люблю. Это мой сынок! – продолжал Георгий.

Наши прокуроры и адвокат тоже сдерживали слезы, это было видно по их лицам. Сынок стоял, опустив голову и уткнувшись в мать, не смотрел на отца, но все слышал, что ему кричал отец. Потом Георгий целыми днями прокручивал это видео, чтобы рассмотреть лицо сына. Он сильно вырос за это время.

В зал зашла судья, и Георгий успокоился. Начался процесс. Судья сначала спросила противоположную сторону, что произошло.

– Он хотел лишить меня ребенка, купил всех судей, получил решение суда о том, что я, как мать, могу видеть ребенка только два часа в неделю. Потом начал мне угрожать, что убьет меня, – не останавливаясь, со слезами на глазах говорила мать ребенка.

Она говорила очень уверенно, и в какой-то момент я на-

чал думать, что у нее есть своя правда, и она тоже в чем-то права.

– Где вы были все это время? – спросила судья у Георгия.

– Где я был? – возмущенно ответил Георгий. – Вы хотите знать, как я искал сына по всему миру и нашел на краю света, тут, в Аргентине? – сквозь эмоции ответил Георгий. – Сейчас я все расскажу.

Георгий рассказал про последние два года поисков, сколько сил и средств он потратил, чтобы вновь увидеть сына.

Выслушав две стороны, судья объявила, что привлекает к делу органы опеки Аргентины⁴. Именно эта инстанция в Аргентине должна заниматься подобными ситуациями и принимать решение по общению детей с родителями.

Начинается судебный процесс.

Мы каждый день посещаем органы опеки, местных психологов, адвокатов, прокуроров и всех, кто мог чем-то помочь. Сергей, я, Георгий и Давид. Давид все переводил с испанского на русский.

Везде были одни и те же вопросы. В одном из таких приемов состоялся диалог между прокурором и Георгием, мы сидели рядом.

– Почему она приехала сюда, в Аргентину? Какие у нее были проблемы? – спросила прокурор, складывая руки на столе и внимательно смотря на Георгия.

⁴ SENAF (англ. *National Secretariat for Childhood, Adolescence and Family*) – Национальный секретариат по делам детей, подростков и семьи в Аргентине.

Георгий задумчиво посмотрел в окно, словно пытаясь найти ответ в бескрайнем аргентинском небе.

– Честно говоря, этого я не могу знать, – наконец произнес он. – Возможно, у нее были какие-то коммерческие проблемы. Я не в курсе.

– Вы уверены? Может быть, между вами возникали разногласия?

– Нет, у меня с ней никаких проблем не было, – твердо ответил Георгий. – Единственная сложность была финансовая. Она просила суммы, которые я больше не мог ей предоставить. После этого она перестала показывать мне нашего сына.

Он на мгновение замолчал, вздохнув глубоко.

– Три года, с утра до вечера, я был с сыном, – продолжил Георгий, пытаясь сдержать эмоции. – Утром она уходила, вечером забирала его. Каждый день. Моя семья это знает, няня может подтвердить. Все знают: родственники, друзья, соседи. У меня есть фотографии, видео... Я могу все предоставить.

– В вашем заявлении вы ссылаетесь на эти материалы, я ознакомилась с ними, – сказала она спокойно.

– Спасибо. Я хочу, чтобы вы поняли: я не желаю ей зла. Просто хочу знать, что происходит.

– Мы постараемся во всем разобраться. Но нам важно понять, что могло послужить причиной ее поступков.

Георгий развел руками.

– Я действительно не знаю. Может, это связано с работой, может, с чем-то еще. Она не делилась со мной своими проблемами.

Но очень быстро наступает 27 декабря 2019 года. Завтра обратный вылет в Сочи.

Нам надо лететь обратно в Россию, хотя необходимо было оставаться. Да, был Новый год, да, наши семьи встречали бы его без нас, но это было очередным упущением ситуации в целом. Как я знаю сейчас, пройдя большой путь подобных дел, нельзя полагаться на официальные органы, нужно полагаться только на себя и свои силы.

В очередной раз наши аргентинские адвокаты, прокуроры и психологи убедили, что все в порядке, раз процесс уже начался, то скоро ребенок вернется в Россию к отцу. Для этого были все основания.

Возвращаясь обратно, после услышанного в суде я начал смотреть по-другому на ситуацию Георгия.

Прилетаем в Сочи. Новый год, январь, февраль, март – удаленно проходит суд. Только в марте назначают дату встречи отца с ребенком. И в марте же начинается карантин по коронавирусу. Все страны закрывают границы. Я начал бронировать билеты на начало марта, но так их и не купил. Все рейсы были отменены.

Если бы мы улетели в начале марта в Аргентину – мы бы зависли там как минимум на полгода, а может быть, больше. Официально рейсы начались только через год.

Дело встало. Все закрылось: суды не работали, почта не доходила. Процесс шел, но намного медленнее, чем он шел бы в обычных условиях.

В сентябре 2020 года все подходит к тому, что Георгий находит других аргентинских адвокатов, они обещают ему, что все сделают в аргентинском суде, и говорит мне:

– Я с тобой не договаривался. Я договаривался с Сергеем. Больше в твоей помощи не нуждаюсь.

Я сказал:

– Хорошо, удачи.

И на следующий день после этого разговора я попадаю в реанимацию с огромной температурой и положительным тестом на коронавирус.

На этом для меня история Георгия заканчивается. Пропадает мой альтернативный план по возвращению ребенка – у меня были мысли, как можно договориться и решить эту ситуацию тоньше. Забегая вперед, можно сказать, что в следующих делах эти самые мысли и опыт мной неоднократно и успешно применялись, и десятки детей вернулись к отчужденным родителям. Но – всему свое время.

Каков же финал?

Георгий начал работать с другими аргентинскими адвокатами, заплатил им гонорары, но это не помогло. Я же работал на чистом энтузиазме, помогал ему практически безвозмездно. Аргентинский семейный суд постановил отказать в возвращении ребенка в Россию. Он получил только возмож-

ность видеообщения и посещения ребенка только в Аргентине.

Но в конце я хочу вернуться к началу этой истории, когда не было еще нас с Сергеем. В начале судебного процесса в Сочи интересы Георгия представлял адвокат. Однако на фоне этих разбирательств между адвокатом и бывшей любовницей возник личный конфликт, который быстро перерос в оскорбления и обмен всевозможными угрозами.

Со слов Георгия, этот адвокат, используя свои связи, добился решения, по которому ребенок должен был проживать с отцом, а мать могла видеться с ним лишь два раза в неделю. Георгий не просил о таком решении. Это было крайне жестокое решение – как потом говорили многие, с кем я общался по этому делу. В такой ситуации я мог понять и бывшую Георгия – ее действия становились логичными. Ощущая бессилие перед системой, где у Георгия были возможности «порешать» все через российский суд, она решила перенести борьбу в другую плоскость, где эти связи не имели силы.

Виной всему было первоначальное решение по опеке. Если бы сочинский суд оставил ребенка проживать с матерью, установив порядок встреч с отцом, возможно, она не уехала бы и конфликт не достиг бы таких масштабов. Но, к сожалению, подобные ситуации не редкость. В последующем я не раз сталкивался с тем, как некоторые адвокаты сами провоцируют семейные штормы, а затем, когда волна выходит из-

под контроля, просто отходят в сторону.

Эта история стала стартом моей новой жизни. Я выпрыгнул из правоохранительного аквариума в Черное море. В аквариуме ты упираешься в стеклянные стенки. В море ты чувствуешь свободу и комфорт.

Я остался благодарен Георгию и Сергею за тот опыт и масштаб, который я реализовал в следующих делах и смог быть полезным для сотен русскоязычных людей по всему миру.

После этого мы также разошлись в делах с Сергеем, он уже давно выпрыгнул из аквариума и плавал в Черном море, и ему было там комфортно. Я же поплыл из Черного к Средиземному морю. Я знал, что впереди выход к Атлантическому океану и скоро я его снова пересеку.

За месяц до этого разговора я получил статус адвоката. Об этом дне я расскажу в свое время.

В этот самый момент, когда Георгий отказался от дальнейшей работы со мной, начинает развиваться самая роковая и безумная история из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться в моей работе. Через которую пронесутся все остальные дела о похищении детей, поисках, невозможных возвращениях.

Сначала я расскажу еще об одном кейсе – о деле Олеси Смирновой, о работе в США и участии в двух телевизионных эфирах у Андрея Малахова. Это дело было успешно завершено и шло параллельно с историей Георгия.

Глава 2

Дело Олеси Смирновой. Майами

Мое знакомство с Олесей произошло в 2019 году – сразу же после возвращения из первой поездки в Буэнос-Айрес. Все происходило параллельно описываемым выше событиям, но я разделил эти дела, чтобы не запутать читателя.

Я наткнулся на новость случайно – в поисковике.

«Семилетнюю хабаровчанку Викторину Смирнову забрал у матери и тайком вывез за границу родной отец девочки. 21 августа он взял Вику на прогулку и исчез. С тех пор мужчина не выходит на связь ни с одним знакомым из России. Что заставило Алексея Смирнова выкрасть собственную дочь и буквально раствориться в Юго-Восточной Азии?» – с таким заголовком вышла первая программа Андрея Малахова, главной героиней которой стала Олеся Смирнова.

Предыстория достаточно типична. Когда родилась дочь Вика, у Олеси и ее мужа Алексея начались проблемы на бытовой почве. Они развелись. Алексей ушел к другой женщине. На протяжении нескольких лет отец вообще не интересовался судьбой девочки, но как только распался его следующий брак, все изменилось. Он угрожал Олесе, что лишит ее дочери, отправив в психиатрическую больницу или тюрьму, обещал прекратить выплачивать алименты и конфисковать

имущество. Олеся не придавала угрозам особого значения, но 21 августа 2019 года бывший муж забрал Вику, чтобы отвести на занятия и погулять, но так и не вернул. Как выяснилось позже, в тот же день они вылетели в Южную Корею из Хабаровска.

Операция по хищению ребенка была тщательно спланирована: Алексей продал имущество, закрыл свой бизнес, вывез ребенка по загранпаспорту, который оформил без ведома Олеси.

К тому моменту, когда я ознакомился с делом, ситуация была такова: Олеся все еще ищет ребенка. Официально дочь должна находиться с матерью. У отца после развода есть возможность общаться с ребенком только несколько раз в неделю. Он, как предполагается, улетел в Японию через Северную Корею.

Вышла программа у Андрея Малахова, где Олеся рассказала свою историю.

В интернете я быстро нашел контакты Олеси. Мы списались, а потом и созвонились. Я рассказал о том методе поиска, который уже использовал для поиска ребенка по делу Георгия.

– Ищите, – она согласилась, не раздумывая.

Олеся быстро сделала все документы и доверенности, и я начинаю делать документы по старой схеме. Отправляю запросы. Приходят ответы.

Позже получаем ответ от Центрального органа по Гааг-

ской конвенции – Управления по делам детей Государственного департамента США: ребенок находится в Америке.

«Мне сказали, есть подозрение, что он ее бьет. Да, и мне подтвердили, что он ее бьет, потому что я этого как раз и боялась. Женищина, чьи контакты мне дали, сказала, что они снимали комнату у ее мамы. И когда эта мама увидела, что он Вику обижает сильно, она ему сказала: “Ребенка не трогай”. И они поругались очень сильно из-за этого, и он съехал. Она даже звонила и говорила: “Дай мне ребенка, занимайся своей жизнью, пускай ребенок живет у меня, она же тебе совсем не нужна”.

Я тем временем пыталась получить визу в Америку».

Расшифровка разговора

с Олесей Смирновой от 06.11.2024

К тому моменту стало известно, что девочка с отцом находится в Майами. Дело в том, что ту самую первую программу посмотрели русскоязычные люди из Майами. Они видели Вику и ее отца на улице.

Сразу нашли адрес разыскиваемых. Так получилось, что долго ничего не было известно, но в один момент ситуация изменилась. Всплыли новые подробности: Алексей Смирнов бьет свою дочь.

Когда мы выяснили адрес проживания Алексея в Майами, к нему полетела съемочная группа Андрея Малахова. Алексей охотно согласился на диалог, не стесняясь рассказывать о своей жизни в США.

Нас с Сергеем пригласили принять участие в программе, где должны были показать это интервью. Вылетев в Москву на один день, мы готовились рассказать о том, как искали Алексея. Параллельно мы везли в Следственный комитет России большой пакет документов по делу Георгия, привезенный из Аргентины, надеясь, что это поможет продвинуть расследование уголовного дела о похищении.

Когда мы вошли в гримерку студии, я почувствовал себя в каком-то воображаемом мире. Оказавшись по ту сторону экрана, в самом сердце телевизионного мира, я в полной мере прочувствовал, насколько это необычный и захватывающий опыт. Вокруг меня суетились люди, слышались приглушенные голоса режиссеров, ощущалась пульсация предстоящего эфира.

Нас разместили в зрительном зале. Началась передача. Андрей Малахов, с привычной уверенностью, задал нам вопрос о том, как Алексею удавалось скрываться все это время. Мы с Сергеем поделились деталями нашего поиска, рассказали о пройденном пути и тех препятствиях, что стояли перед нами. В зале царил напряженный настрой.

Олеся тоже была в студии – она все еще ожидала визу в США.

В программе участвовали друзья Алексея, которые представляли его точку зрения.

Я заметил, как аудитория разделилась: одни сочувствовали Олеся, другие поддерживали Алексея. Это противоре-

ание мнений было закономерно, оно только подчеркивало сложность ситуации, в которой мы оказались.

Запись шла в режиме нон-стоп, без остановок и дублей. Реальные реакции, неподдельные эмоции – все это делало программу живой и искренней. После эфира мы вышли из студии, чувствуя облегчение и одновременно усталость. Казалось, что важный этап завершен, но впереди нас ждали новые задачи.

В конце апреля 2020 года данная передача вышла в эфир под заголовком *«Андрей Малахов. Прямой эфир. Похищение 7-летней Вики: американский след...»*

Мы полететь в США для решения этого вопроса не могли, потому что в декабре улетели в Аргентину, как я описывал выше. Следовательно, мы решили Олесе найти адвоката, у которого была виза в США.

В очередной раз подтвердились мои соображения о масштабности новой деятельности – можно находиться где угодно, можно все поддерживать дистанционно, можно вести процессы из любой страны мира.

Да, требуются ежедневные созвоны. Да, нужна постоянная связь. Да, необходим бдительный контроль. Но для этого не нужно физически находиться в Хабаровске, в Москве, в Сочи или в Майами.

Я удаленно был с Олесей на протяжении всего дела.

Ей дали американскую визу, и она вылетела в США, чтобы вернуть дочь. Тайком от дочери и бывшего мужа Олеся

приехала в США, арендовала машину и старалась выйти на контакт с дочерью, дежурила около школы, где учится Вика.

Олеся подъехала на машине. Когда Вика села в машину, девочка начала плакать:

– Мне нельзя с тобой, меня потом убьют, высади меня.

Это было спонтанно, Олеся не планировала таким образом забрать свою дочь. У них был шок. Они поехали в полицию.

В полиции они провели четыре часа. Вика сидела рядом, рисовала рисунки. В какой-то момент она посмотрела на Олеся со слезами, так как понимала американскую речь:

– Они меня сейчас отдадут папе.

Олеся пыталась успокоить ее, но знала, что это правда. Когда полицейские решили вернуть ее отцу, Вика встала в центре комнаты, подняла ладошку и сказала:

– Почему вы, взрослые, решаете? Я хочу к маме.

Но ее слова не изменили решения. Она ушла с отцом, а Олеся осталась. Держалась при ребенке, не плакала, но как только Вика уехала, силы покинули ее и у нее началась истерика.

Выяснилось, что по законам штата Флорида тот, кто три месяца ухаживал за ребенком, является опекуном, если нет судебного решения об опеке, вынесенного судом в США. Обратное – нужно доказывать в суде. Так что полиция просто вызвала отца, и они отдали Вику обратно ему, несмотря на то, что Вика рассказывала полиции про насилие, которому подвергалась. В дальнейшем по другим делам я не допус-

кал таких моментов.

Нам нужно было признать в семейном суде Майами решение Хабаровского суда об опеке над ребенком, и для успешного вынесения такого решения нужно было добавить ребенка в списки Интерпола, так как в России возбудили уголовное дело о похищении и избиении. Мы подготовили документы, и они внесли Вику в желтый список Интерпола⁵.

Потом должен был состояться суд.

Олеся была в Майами вместе со съемочной группой Малахова. Они находились в состоянии стресса. Не было понятно, что решит суд. Не было понятно, чего ждать от ее бывшего мужа. Его непредсказуемость заставляла всех нервничать.

Следует отметить, что в случае с Олесей мы работали не по Гаагской конвенции: сначала получили решение суда в Хабаровске о том, что ребенок должен проживать с матерью в Хабаровске. Потом Олеся помогла адвокат – Анастасия Сак. Анастасия подала в суд экстренную петицию о возвращении ребенка матери.

Это случилось в понедельник. Ребенок уже был добавлен в желтый список на сайте Интерпола⁶, и ситуация становилась все более критической. Мы узнали, что отец снова избил дочь. Анастасия поехала к судье, чтобы спросить, что

⁵ Интерпол – Международная организация уголовной полиции, занимающаяся координацией взаимодействия правоохранительных органов разных стран.

⁶ Желтый список Интерпола – включает в себя пропавших без вести или похищенных детей.

делать в такой ситуации.

Она шла по коридорам Семейного суда в округе Броуард⁷ и в коридоре встретила судью и рассказала о произошедшем в полиции.

– Что нам делать в этой ситуации? Мы не можем ждать судебного заседания. Ребенка подвергают насилию, и ждать заседания нет времени.

Судья, выслушав ее, сказал:

– Я все понял. Сейчас дам ордер об изъятии ребенка до вынесения основного решения суда.

Анастасия позвонила Олесе и сказала:

– Мы сейчас едем забирать ребенка из школы.

Когда они зашли в школу, полиция показала администрации ордер суда о передаче ребенка Олесе. В школу приехал отец. Администрация попыталась возразить:

– Нам нужно что-то уточнить.

Но полицейский твердо ответил:

– Есть решение суда, и оно будет исполнено незамедлительно.

Учителя вывели Вику.

Полицейский сказал:

– Иди к ней.

Олеся подошла, опустилась на колени и сказала:

– Я тебя обниму.

Но Вика отступила:

⁷ Округ Броуард – округ в штате Флорида, США.

– Нет.

Она боялась, вспоминая, как пару дней назад ее забрали и потом вернули отцу с участием полиции. Она уже не доверяла ситуации.

Полицейский сказал:

– Уходите.

Вика взяла Олеся за руку, и они поспешили к машине. Отец остался позади, задержанный полицией, чтобы дать им возможность уехать.

В машине Вика начала плакать:

– Мама, я не верю, что мы снова будем вместе. Я ждала этого дня.

Олеся тоже не могла сдержать слез:

– Больше я тебя никому не отдам, я очень скучала.

Они поехали на съемную квартиру.

Затем состоялся основной суд, который признал решение российского суда. Судья задал один вопрос Алексею:

– У вас имеется иное решение Хабаровского суда по опеке над ребенком?

– Нет, – сквозь зубы ответил Алексей.

Все завершилось хорошо. Суд постановил, что необходимо вернуть ребенка матери. И они могут возвращаться в Россию.

Олеся сидела на пляже Майами, наблюдая, как закатные лучи окрашивали океан в оттенки розового и золотого. Рядом с ней, смеясь, плескалась в волнах Вика. В эти несколько

дней ожидания документа с печатью из суда они были неразлучны, словно стараясь наверстать упущенное время. Каждый миг казался бесценным подарком, и Олеся ловила каждое слово, каждую улыбку дочери.

Они бродили по уютным улочкам города, посещали музеи и галереи, восхищаясь искусством и историей. Вика с восторгом рассматривала экспонаты, задавала вопросы, делилась мыслями.

– Мама, я так счастлива, что мы вместе, – говорила она, обнимая Олесю крепко-крепко.

Но время неумолимо двигалось вперед. Наконец, они получили долгожданное решение с печатью судьи. Это было словно билет в новую жизнь, но впереди их ждали еще испытания. Предстояло добраться до Москвы через Нью-Йорк, и Олеся все еще чувствовала тревогу, стараясь не показывать ее Вике.

Вылет из Майами прошел без осложнений. В самолете Вика весело болтала о своих планах на будущее, а Олеся слушала и улыбалась, радуясь ее энтузиазму. Но по прибытии в Нью-Йорк все изменилось. На паспортном контроле их остановили агенты ФБР⁸.

– Виктория Смирнова? – прозвучал строгий голос.

Сердце Олеси замерло. Несмотря на полученное решение суда, Вика все еще числилась в розыске Интерпола. Олеся протянула документы, стараясь сохранять спокойствие.

⁸ ФБР – Федеральное бюро расследований США.

Агенты тщательно изучили бумаги, перешептываясь между собой.

– Мы должны проводить вас до самолета в Москву, – наконец сообщили они.

Последующие часы были наполнены напряжением. ФБР сопровождало их повсюду, и Олеся чувствовала себя под пристальным наблюдением. Но она держалась стойко ради Вики, стараясь отвлечь ее разговорами и шутками.

Перед посадкой агенты проверили самолет, убедились в безопасности. Один из них, молодой парень с добрыми глазами, подошел к Олеся.

– Удачного полета, – сказал он мягко. – Надеюсь, все неприятности остались позади.

– Спасибо, – ответила Олеся, искренне благодарная за его сочувствие.

Когда самолет взмыл в небо, оставляя позади огни Нью-Йорка, Олеся почувствовала облегчение. Рядом дремала Вика, уставшая от эмоций этого дня. Олеся поправила одеяло на ее плечах и посмотрела в иллюминатор. Впереди была Москва.

«Мы заходим в самолет. И все. Вот когда мы уже подлетали к России, я увидела в окошко снег, начала петь песни. “Снег кружится, летает и тает”. Почувствовала себя дома. Наконец-то».

Расшифровка разговора
с Олесей Смирновой от 06.11.2024

В аэропорту их встретили друзья и близкие. Слезы радости, объятия, теплые слова – все смешалось вихрем. Олеся понимала, что впереди еще много трудностей, но главный бой был выигран. Они вернулись домой, вместе, свободные и полные надежд.

Съемки итоговой программы *«Андрей Малахов. Прямой эфир. Похищение 7-летней Вики: развязка»* по истории Олеси происходили на следующий день после возвращения из США.

На эту программу нас с Сергеем тоже пригласили: оплатили перелет в Москву и проживание в отеле «Космос». Не было никаких гонораров, но этого и не требовалось.

В студии всему миру рассказывают о финале этой истории. Показывают кадры того, как Олеся обнимает Виду и играет с ней на детской площадке в Майами. Самое удивительное в этой истории – воля Олеси, ее вера в то, что все получится. На программе у Малахова ее окружали адвокаты, юристы, звезды и депутаты Госдумы. А кто такая Олеся? Кроме того, что она – любящая мать? Казалось бы – всего лишь мастер наращивания ресниц из Хабаровска.

Изначально у нее не было никаких связей, не было денег, не было адвокатов. Ничего у нее не было. Но она, столкнувшись с проблемой, начала немедленно действовать. Без сомнений. Без оглядки на возможные последствия. Это история про то, что простая мастер ресничек из Хабаровска залезла в долги и позанимала деньги у всех подряд, начала от-

крывать все двери, начала действовать и смогла сделать все необходимое, чтобы вернуться с ребенком из США в Россию.

Так получилось, что все люди, причастные к истории, не брали с Олеси денег за работу. Не брали и мы. Она платила только за расходы. Ей помогали бесплатно.

Мы с Сергеем сидели на диванах в центре студии, рядом с Олесей. Свет софитов слепил глаза. Наконец-то наша история получила огласку. Мы рассказывали о том, как сложно было вернуть Вику, с какими препятствиями столкнулись, как каждый шаг сталкивался с непониманием и бюрократией.

В зале присутствовали наши коллеги-адвокаты, депутаты Госдумы. На экране появилось видеообращение Михаила Дегтярева, тогда еще депутата и председателя комитета по спорту. Он действительно помогал Олеся – мы знали это из первых уст. Его контакты Олеся получила через знакомых в Хабаровске, и на каждом этапе он прилагал усилия, чтобы вернуть ребенка матери.

Эта передача была особенной. В предыдущий раз мы просто находились в зале, наблюдая со стороны. Теперь же мы были в центре внимания. Когда съемки завершились и мы вышли в гримерку, к нам подходили коллеги, другие участники. Они спрашивали о нашем деле, о том, как нам удалось добиться прогресса. Мы обменивались контактами, чувствовали поддержку сообщества.

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько мощным инструментом могут быть СМИ. Русскоязычные передачи, такие как шоу Андрея Малахова, смотрят не только в России. Наши соотечественники по всему миру – в США, Европе, где угодно – тянутся к родине, интересуются новостями и событиями. И именно благодаря этой передаче мы смогли найти точный адрес Алексея Смирнова в Майами. Мы знали, что он улетел в США, но не знали, где именно остановился. Передача дала нам необходимую ниточку.

Это был поворотный момент. Мы осознали, что привлечение общественного внимания может быть ключевым в таких делах. Медиа стало не просто средством информации, но и инструментом возвращения детей, объединения людей вокруг общей цели.

Этот случай как будто противопоставляется тому, что случилось с похищением ребенка в Буэнос-Айресе. Там были деньги и связи, там были возможности. Здесь не было ничего. Но в первом случае родитель потерял веру и сдался. В случае Олеси – она пошла напролом, как бульдозер. Она сносила все на своем пути, потому что так хотела вернуть дочь, что для нее не осталось ничего невозможного.

– Вы не сделаете? – спрашивала Олеся у тех, кто отказывался ей помочь. – Что ж, мне сделают это другие.

Теперь, когда я столкнулся с десятками таких историй, я вижу отчетливо, что в таких делах не имеют значения внешние атрибуты. Только внутренний стержень, вера и напор по-

могают даже, казалось бы, в безвыходных ситуациях. Биться до последнего и не терять надежды – на первый взгляд, очень простые истины, которые, к сожалению, оказываются для многих почти непостижимыми, когда доходит до дела.

Программы Малахова вышли с опозданием – в апреле-мае 2020 года, в самый жесткий период карантина и самоизоляции. Они были самыми просматриваемыми за 2020 год. Все закончилось хорошо, но до последнего не было понятно, какое наказание ждет Алексея Смирнова.

1 июня 2020 года к дому Алексея в Майами подъехали полицейские автомобили. Соседи наблюдали из окон, как его выводили в наручниках, а он лишь загадочно улыбался, словно предвидел этот момент. Его арестовали, подготовили документы на депортацию, и вскоре Алексей оказался за решеткой американской тюрьмы.

Последние новости о нем приходили обрывочно, как отголоски далекого шторма. Но в 2024 году слухи начали обретать реальные очертания. Стало известно, что в Хабаровске над Алексеем идет суд. Олеся, узнав об этом, не могла сдерживать смешанных чувств – от неожиданности до непонятной тревоги.

По рассказам ее знакомых, присутствовавших на судебном процессе, Алексей вел себя вызывающе. Он смотрел прямо в глаза судье, не опуская взгляд, и с холодной дерзостью отвечал на вопросы. Он говорил грубо, будто бросая вызов не только судебной системе, но и самому обществу.

Его безразличие к происходящему казалось тотальным. Он отвергал Россию, отрекался от прошлого и смело шагал по острию ножа.

Последнее сообщение в 2024 году об этом деле из СМИ выглядит следующим образом:

«Из США в Москву доставили хабаровчанина, обвиняемого в истязании дочери. США выдали России Алексея Смирнова, который обвиняется в похищении своей малолетней дочери в 2019 году и жестоком обращении с ней на протяжении полугода».

Алексей провел около пяти лет в американской тюрьме, затем был этапирован зимой через всю Россию из Москвы в Хабаровск и полтора года находился в СИЗО, после чего 9 октября 2025 года состоялось оглашение приговора. Ему назначили четыре года лишения свободы условно с испытательным сроком четыре года по статье 117 УК РФ, а также 350 часов обязательных работ по статье 156 УК РФ⁹.

В конце июля 2020 года Хабаровск ожидал назначения нового временно исполняющего обязанности губернатора. Это было темой номер один как в местных СМИ, так и в разговорах горожан. Когда стало известно, что президент выбрал Михаила Дегтярева, многие задавались вопросом: какое отношение он имеет к их краю?

Прибыв в город, Дегтярев сразу же встретился с журналистами. На их прямой вопрос о связи с Хабаровским краем

⁹ Приговор в законную силу еще не вступил.

он сказал:

– Я помогал Олесе Смирновой вернуть ее дочь Викторию из США. Завтра планирую посетить их семью и лично пообщаться с ними.

На следующий день Дегтярев действительно отправился к Смирновым. Вместе с ним приехали представители местных СМИ, освещая эту встречу. Камеры запечатлели искренние улыбки, теплые рукопожатия и разговоры без официоза. Это была его первая официальная встреча в новом статусе, и она оказалась личной и значимой.

Переплетение их судеб стало началом новой главы не только для Олеси и ее дочери, но и для всего Хабаровского края.

Глава 3

Крестный адвокат, коронавирус, княжество

«Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката» – так звучит известная адвокатская присяга в России.

Лето, 29 июля 2020 года. В Краснодаре жарко, пахнет нагретым асфальтом, а воздух на улицах вибрирует, как над костром. Я только что принес присягу и получил документы – теперь мне официально присвоен статус адвоката.

Я не просто так вспоминаю этот день в таких подробностях. Именно он положил начало главной истории – той самой, из-за которой я во многом решил написать эту книгу. Той самой, вокруг которой позже завязались десятки других дел, связанных с международным похищением детей. Той самой, из-за которой мне пришлось, в конце концов, более месяца прожить в Монако и решать вопросы для влиятельных людей из разных стран по всему миру.

Я вышел из Адвокатской палаты Краснодарского края с документами о сдаче итогового экзамена. Иду по Кубанской

набережной в ресторан «СТАНЪ», который больше напоминает музейный комплекс, чем заведение общепита. Это ресторан казачьего быта, и все здесь – предметы интерьера, утварь, отделка, даже цвета – рассказывает об истории казачьего края. Кухня, соответственно, тоже кубанская. Все как у бабушки дома.

План на день у меня был такой – получить статус адвоката, отметить с родственниками, а вечером посетить фуршет с известным на всю Россию адвокатом Жориным, работающим по резонансным судебным делам звезд и знаменитостей.

Так сложились звезды, что именно в этот день он был в Краснодаре и решил устроить встречу с местными коллегами. Я с самого утра решил – почему бы и нет? Раз уж все так совпало – надо пользоваться случаем.

Но для начала нужно было отметить новый статус с близкими.

В Краснодаре у меня есть родственники. Я предупредил их заранее, мол, наконец-то получаю статус адвоката, давайте после обеда встретимся, посидим, отметим.

Я сижу в ресторане и жду родственников. Настроение отличное, солнце печет нещадно, спасает только ледяное пиво. Листаю Instagram¹⁰, который тогда был еще разрешен.

Да, к тому моменту, погрузившись в дела с Буэнос-Айре-

¹⁰ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

сом и Майами, я завел Instagram¹¹-аккаунт. Оба дела я освещал на своей страничке. Постарался передать весь опыт ведения дел, чтобы рассказать о себе и принести пользу людям. Дело Олеси, как я упоминал выше, вышло очень резонансным, так что буквально за пару месяцев на аккаунте уже было больше тысячи подписчиков. Началась активность в комментариях, были обращения – я отвечал на все.

Через Instagram¹² я узнал о Жорине и об этой встрече.

Именно в ресторане, ожидая родственников, я наткнулся в Instagram¹³ на новую для себя функцию – папку «Спам». Оказалось, что некоторые личные сообщения фильтруются социальной сетью.

Там я и наткнулся на запрос о переписке с некоей Марианной. У меня висело в спаме от нее несколько сообщений. Проблема известная – похищение детей.

«Добрый день. Моя ситуация: детей похитил муж. Из Монте-Карло – в Москву, можете помочь?»

Вопрос, собственно, понятен: нужно вернуть детей из Москвы обратно к ней. Она просила о помощи. В частности, предлагала представлять ее интересы в Тверском районном суде города Москвы. Там должен был проводиться специа-

¹¹ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

¹² Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

¹³ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

лизируемый суд по уже известной Гаагской конвенции.

Родственники еще не пришли отмечать мой новый статус, так что я, конечно же, сразу ответил:

«Извините, ваше письмо попало в спам. Можете больше подробностей по вашему вопросу? И пришлите, пожалуйста, все доступные документы».

Она ответила в течение пяти минут. Как будто специально ждала моего сообщения. И сразу начала присылать всю информацию по существующему судебному процессу.

Судя по документам, Марианна со своим мужем Русланом и детьми ранее проживали на Беверли-Хиллз 90210. Для меня название «Беверли-Хиллз 90210» было далекой точкой на карте Лос-Анджелеса и ассоциировалось с сериалами, которые показывали в конце 1990-х годов. Перед глазами вставал оранжевый диван на фоне фонтана из заставки сериала «Друзья».

В какой-то момент мне показалось, что все это невозможно, что существует как будто за пределами реального мира, где-то высоко и недоступно для простых смертных. Но вот она продолжает присылать мне документы, и я убеждаюсь, что все это по-настоящему, что никаких шуток или мошенничества здесь быть не может.

Продолжаю изучать документы. Из особо впечатляющего – квартира, в которой сейчас она проживает в Монако, в Башне Одеон¹⁴.

¹⁴ Башня Одеон (фр. *Tour Odéon*) – небоскреб в Монако, одно из самых высоких

Она присылает мне брачный договор. Там описываются их накопления. Ее – около 1 млн долларов и квартира в центре Москвы. Его – дома, квартиры, инвестиции – примерно на 300 млн долларов.

По брачному договору строго следует это разграничение. Все ее имущество останется с ней. Все его – с ним. Они не могут претендовать на имущество друг друга.

Я читаю все это, не до конца осознавая, о каких безумных цифрах идет речь, а в висках пульсирует только один вопрос: «Кто это? Что это за люди?»

В ресторан приезжает тетя и брат. Я откладываю дело Марианны в сторону.

– Ну что там, принес присягу? – спрашивает брат.

– С одной присяги – на другую. Так можно вообще? – шутит тетя, которая вообще-то моя ровесница, просто так сложились семейные обстоятельства.

Я отшучиваюсь в ответ, мы общаемся, но я не перестаю думать о Марианне и ее деле. Почему она мне написала? Когда меня перенесло в мир, где я сталкиваюсь с такими масштабами? Главное – кто она и кто такой Руслан?

Из ресторана мы едем в гостиницу Congress Hall, где проводит фуршет Жорин. Краснодарская жара может разморить не хуже кубанского пива. В совокупности – они делают свое дело идеально. Мы веселы, в хорошем настроении и предвкушаем отличный вечер.

Тогда я и не мог представить, куда выведет меня история Марианны. Начиналось все радужно – более чем.

На фуршете у Жорина собрались около 20 человек. Все – адвокаты. Из Краснодара, Ростова-на-Дону, Анапы, из Сочи. В основном – из Краснодарского края.

Когда я впервые открыл для себя мир Instagram¹⁵, меня захватил водоворот фотографий и историй. Среди них особенно выделялся аккаунт Сергея Жорина. Его образ – внушительный, уверенный, почти что парящий над землей – создавал впечатление недостижимого мастера своего дела. Он казался загадкой, легендой в мире права, человеком, к которому не так-то просто подойти.

И вот, неожиданно для себя, я оказался с ним в одном зале. Сергей стоял напротив, и первое, что бросилось в глаза, – это простота в его облике. Не было той вычурности или высокомерия, которое я, возможно, ожидал увидеть. Вместо этого – обычный человек, немного взволнованный предстоящей беседой.

В момент нашего знакомства произошла забавная ситуация: Сергей, пытаясь отпить из стакана, случайно пролил воду на стол. Он смутился, но тут же рассмеялся вместе с нами.

– Вот видите, – сказал он с улыбкой, вытирая воду салфеткой, – никакой я не сверхчеловек. Обычный, как все.

В тот день я осознал, насколько обманчивыми могут быть

¹⁵ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

образы, созданные в социальных сетях и общественным мнением. За маской недостижимого профессионала скрывался человек, открытый миру, готовый учиться и делиться знаниями. Он не возвышался над другими, а, наоборот, стремился быть наравне.

Эта встреча стала для меня важным уроком. Я понял, что не стоит создавать кумиров. Каждый из нас имеет свои сильные и слабые стороны, и настоящая ценность человека раскрывается только при личном общении. Сергей Жорин перестал быть для меня просто именем из Instagram¹⁶ – он стал реальным человеком с живыми эмоциями и искренним отношением к жизни.

Вечер пролетает быстро, становится еще более насыщенным.

Я знакомлюсь с Жориным и, когда пришло время вопросов, задаю первым.

– Я вот сегодня принял присягу и получил статус адвоката, – рассказываю ему и всем собравшимся. Коллеги начинают поздравлять и громко хлопать в ладоши. – А у вас какой был первый день в статусе адвоката? – спрашиваю Жорина.

– Ой, не-е-ет, – засмеялся он. – Если я сейчас это рассказывать начну, никакого вечера не хватит, а потом еще журналисты все это раструют. Расскажу потом лично, – улыбаясь, подытожил Жорин.

¹⁶ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

– В любом случае, – говорю я в шутку. – Вы, получается, мой крестный отец. Сегодня статус получил официально, а вы как бы закрепляете его.

– Вот это отлично! У каждого адвоката должен быть крестный отец, – подхватывает он.

К тому моменту все были очень навеселе. Было еще много разговоров обо всем и ни о чем, было еще предложение о продолжении банкета на море в Сочи, был стук бокалов и едва прохладная краснодарская ночь.

Первый день в статусе адвоката прошел не просто хорошо – он вышел насыщенным. И, как оказалось, еще и роковым. Он повлиял на многое из того, что случилось в последующие годы. Возможно, этот день был в каком-то смысле определяющим. Именно поэтому я вынужден рассказать о нем чуть подробнее.

В конце вечера я пригласил Жорина в Сочи, но он отказался, ему нужно было утром улетать обратно в Москву. Я решил кратко рассказать про эту историю с Монте-Карло. Возможно, в Москве, в Тверском суде, мне понадобилась бы его помощь. Но в итоге Крестный сказал, что не занимается международными делами.

После чего сказал:

– Давайте создадим группу в WhatsApp «Адвокаты юга России»!

Все присутствующие радостно поддержали предложение. Уходя с вечеринки, Жорин дал мне свой личный телефон

и сказал:

– Будут вопросы – набирай.

Тогда я еще не знал, что он действительно станет моим Крестным и на протяжении моей работы объяснит многие вещи, которые мне были непонятны. Поможет в самых трудных ситуациях. И, несмотря на расстояния между нами, он станет очень близким мне человеком.

Следующим утром, вернувшись домой в Сочи, я впервые созвонился с Марианной.

– Ну что, вы посмотрели документы? – Марианна сразу перешла к делу. – Сможете мне помочь в суде?

По документам, которые прислала Марианна, я понял, что раньше ее представляли разные адвокаты в США, Монако, России, и большинство судов было проиграно. То есть в Москве уже было вынесено решение в пользу отца по опеке над детьми. Дети должны проживать с отцом в России.

Я ответил честно:

– Этот иск ничем не закончится. Да, можно подать новое исковое заявление о возвращении детей в Монако, но это ничего не даст. Я не могу в этом участвовать, потому что я вижу сразу, что этот путь в никуда.

– Мы же можем просто попробовать?

– Тут нужен совсем другой подход. Разве вы не устали от судов? Сколько вы потратили на адвокатов?

– Я потратила все свои сбережения – около 1 млн долларов.

– Сколько вы потратили нервов, своих сил?

– Мне было так плохо, что я хотела покончить собой.

– А что вообще произошло? Можете рассказать истоки? С чего все началось? Как вообще так вышло, что вы разошлись с мужем?

Марианна рассказала предысторию своих взаимоотношений с мужем. Ей было 30 лет, ему – 40. Они познакомились на свадьбе ее подруги. Она – со стороны невесты. Он – со стороны жениха.

Все началось как в сказке. Они танцевали под песню «Я уеду жить в Лондон», вокруг веселились гости – очень обеспеченные и успешные люди. Марианне уже рассказали, что Руслан – мужчина очень непростой. Подруга поведала ей, что у него есть, например, элитные квартиры в Лондоне, Сингапуре, Майами и Лос-Анджелесе.

На свадьбе после танца он сказал ей прямо:

– Я быстрый. Мне нужно все и сразу. Ты готова к скорости?

– Я не знаю, – ответила она, хотя уже чувствовала, что готова.

У них началась любовь. Руслан сразу подтверждает свои слова о том, что ему нужно все и сразу. Буквально через неделю после свадьбы они летят во Вьетнам. Путешествуют по всему миру. Прямо из-за рокового свадебного стола – в самолет с вещами.

Почему роковой свадьбы? Потому что через несколько

лет те самые друзья-молодожены умрут от передозировки наркотиками, а их имущество, более чем на 1 млрд рублей, разделят между собой юристы и адвокаты.

Руслан сразу сказал ей, что хочет детей. Показал ей свой дом в Лос-Анджелесе. Показал квартиру в Нью-Йорке. Он сказал:

– Мне нужны дети, ты готова?

Марианна отшутилась, она не знала, что забеременеет уже в ближайшие недели.

Она рассказывала мне все это, и по ее интонациям я чувствовал, что случившееся между ней и Русланом было завязано не только на финансах. Марианна говорила, что на самом деле влюбилась, как и Руслан в нее.

– У него были такие влюбленные глаза, он полюбил меня, а я его.

О себе она тоже рассказала. Она – из Молдовы. Врач. Раньше у нее была своя частная клиника в Кишиневе. Но в последнее время она работала семейным доктором у банкиров из списка Forbes. Очень прилично зарабатывала – десятки тысяч долларов. Работодатели подарили квартиру в центре Москвы.

Марианна рассказала, что у Руслана есть сестра, а ее муж – влиятельный политик. В тот момент работал одним из заместителей в Министерстве транспорта.

Раздор между Русланом и Марианной случился пару лет назад. Марианна родила детей в США. Они летали в Москву,

летали на зиму в Монако, путешествовали по Южной Америке с детьми. Это была счастливая жизнь очень обеспеченных людей.

Но был нюанс.

Когда они познакомились, он не пил, не курил, не употреблял. На их первых свиданиях она запивала морепродукты вином, а он – чаем.

Одним утром в Лос-Анджелесе он проснулся и первое, что спросил:

– У нас есть дома водка?

– Нет у нас водки дома. Откуда? – ответила Марианна.

– Сегодня ночью я потерял 100 млн долларов. поезжай, купи водки.

На бирже упали акции, и Руслан потерял деньги, часть из которых была в маржинальной торговле¹⁷. В России это случилось днем, когда в США была глубокая ночь. Ему пытались дозвониться, что нужно выходить, но он спал, и тогда пришел, как говорят инвесторы, маржин-колл, он же «Морж Коля»¹⁸. Он узнал обо всем утром, тогда и началась история его падения.

Руслан начал пить. И не только пить. Алкоголь и запрещенные вещества – стали его верными друзьями. Оголилась

¹⁷ Маржинальная торговля – торговля с использованием заемных средств (кредита).

¹⁸ Маржин-колл (англ. *margin call*) – требование брокера о внесении дополнительного обеспечения по маржинальной позиции; шутовое прозвище «Морж Коля».

вся его потаенная личность, скрытая в глубинах.

Руслан пускается во все тяжкие. Обостренное ядовитым опьянением сознание начинает давать сбои. Руслан начинает подозревать Марианну в проституции. Ревнует ко всем подряд. Бьет ее.

Вскоре он подал на развод. И после длительных судов в США, России и Монако они развелись.

По результатам развода в России Руслан получил решение об опеке над детьми. Решение – дети должны проживать с ним в Москве. Однажды он просто забрал детей, сказав, что они летят отдыхать в Швецию. На самом деле – просто увез их в Москву. И сказал Марианне, что теперь они будут жить там. Чтобы она тоже приезжала в Москву.

То есть, забрав детей, он просто сам исполнил решение российского суда.

– Я не понимаю, – сказал я, выслушав ее рассказ. – Как он всего добился? Как суд мог вынести решение в пользу отца? Такое бывает очень редко. Расскажите о нем.

Марианна рассказала мне о Руслане. То есть о главном герое моей истории.

Он жил в деревне в Мурманской области. Никто от него ничего не ждал. Только брат пытался разрешить его проблемы. Для этого он закрыл его в подвале родительского дома, надеясь, что, пережив ломку, Руслан сможет избавиться от всех зависимостей.

Как он рассказывал Марианне, это испытание длилось

ровно 40 дней.

Каждый день ему спускали по две бутылки крепких напитков и какую-то еду. Алкоголь помогал сбить физическую ломку, боль, которую трудно описать словами. Но с каждым глотком он все сильнее понимал, что его душа и тело находятся на грани разрушения.

В первый день, когда он выпил граненый стакан, он понял, что ему просто «конец». Художественный эквивалент слову, что пришло ко мне на ум, здесь не подходит – он отрубился и провалился в бесконечный сон. Просыпался от жажды и голода, нервные окончания казались оголенными.

Он продолжал бороться, несмотря на физическую и психологическую ломку. Его тело и сознание были измучены, и каждая следующая секунда только усугубляла эти мучения. Несмотря на страх и боль, он старался найти хоть какую-то надежду, чтобы не сломаться. Он строил планы, мечтал о будущем и мысленно представлял себе, как будет жить, когда снова окажется на свободе.

Через 40 дней пришел тот момент, которого он так ждал, – дверь подвала наконец-то открылась и сквозь пронзающий свет на пороге стояли его близкие и друзья. Они рисковали всем, чтобы его спасти. Свобода казалась почти нереальной, но это был тот шанс, который Руслан не мог упустить.

Руслан завязал с запрещенными веществами. Устроился работать деревенским водителем. Развозил выпечку по соседним селам. Но отец его первой любви не дал ему остаться

в родном городе. Он сбежал в Москву.

Через 10 лет он стал собственником самого большого порта и руководил всем северным завозом в отдаленные регионы России. Под его контролем были порты, полсотни судов, в том числе ледокол. Руслан стал обладателем элитной недвижимости по всему миру – в Сингапуре, США, Монако; на его счетах – сотни миллионов долларов. Его детские мечты закончились на новом вертолете Robinson.

За короткий период он поднялся из подвала до одного из самых влиятельных людей в Мурманске.

– Что же случилось за эти 10 лет? – спросил я.

– Это тайна, покрытая мраком, – ответила она. – Никто не знает. Мне он сказал, что он все понял и стал гениальным предпринимателем.

Каждый новый виток этой истории добавлял интереса. Я думал о том, что, возможно, следует попробовать взяться за это дело. Чтобы во всем разобраться.

– Мне нужно больше деталей, – сказал я. – Расскажите подробнее, как проходили судебные процессы. Какие решения? Мне нужно посмотреть на все документы.

Она отправила мне партию новых документов. За годы семейного раздора у нее скопилось несколько коробок документов. Вплоть до подачи формуляра в суд ООН.

– Мне нужно время, чтобы все изучить. Попробую разобраться, – пообещал я.

Мы продолжили общение.

Продолжил я и общение с Крестным, Сергеем Жориным. Оно развивалось стремительно и непредсказуемо, словно сюжет динамичного романа. После нашего первого разговора я выложил в Instagram¹⁹ фотографию, где мы с ним стоим плечом к плечу. Улыбки на лицах, легкость в позах – снимок казался честным и искренним.

Не успел я обновить ленту, как посыпались комментарии от подписчиц: «Хочу такую же фотографию!», «Как повезло встретиться с ним!», «Где можно с ним увидаться?» Их энтузиазм был заразителен. И неожиданно для всех Сергей сам ответил им под постом, шутливо предложив организовать совместную фотосессию. Этот жест показал его открытость и чувство юмора, что только подогрело интерес аудитории.

Воодушевленный такой реакцией, я решил продолжить общение. Отправил Сергею личное сообщение, прикрепив видео с яхты, на которой мы с друзьями праздновали мой статус адвоката. Волны ласково качали судно, солнце отражалось в бокалах с шампанским, и казалось, что жизнь удалась.

«Зря ты улетел в Москву», – написал я ему. – «Могли бы сейчас вместе наслаждаться солнцем и морем в Сочи».

Ответ не заставил себя ждать. Сергей признался, что давно не был в Сочи и с удовольствием бы присоединился к на-

¹⁹ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

шей компании, если бы не дела в столице. Мы обменялись еще несколькими сообщениями, и я почувствовал, как между нами возникает невидимая связь. Это было больше, чем просто знакомство, – это было начало дружбы.

Дни в Сочи пролетали незаметно. Мы с друзьями катались на яхте, исследовали прибрежные кафе, наслаждались теплыми вечерами и шумом прибоя. Но мысль о новом знакомом не покидала меня. Я ловил себя на том, что жду его сообщений, хочу поделиться впечатлениями, узнать больше о его жизни.

Однажды вечером, сидя на палубе и глядя на звездное небо, я подумал о том, как странно и удивительно пересекаются пути людей. Еще недавно Сергей Жорин был для меня лишь именем, образом из новостей и публикаций. А теперь он стал частью моей истории, человеком, с которым хочется общаться и которого хочется узнать ближе.

Через месяц проходит последний разговор с Георгием. Я попадаю в больницу с серьезным поражением легких. В этот момент я получаю на электронную почту сообщение:

«Добрый день. Прошу сообщить, специализируетесь ли вы на вопросах международного морского права?»

У нас заключен договор с брокером на продажу яхты, но мы сами нашли покупателя и хотели бы расторгнуть этот договор. Нам нужно понимать, имеем ли мы на это право? И как правильно это сделать?

Вы можете помочь в данном вопросе?»

Получив статус адвоката, я сделал сайт и настроил рекламу «Директ» по запросу «Международный адвокат».

Я лежал в больнице с коронавирусом и получил сообщение о международном морском праве. Первой мыслью было: «Какое еще, к черту, морское право?» Но второй было: «У большинства моих клиентов в собственности нет яхт». И поэтому я решил ответить, потому что это было одно из первых рекламных обращений.

Я уточнил, что у них за вопрос.

Оказалось, что вопрос касается яхты одной из известнейших яхтенных компаний в Княжестве Монако. И, конечно же, сразу вспомнил про Марианну. Как удивительно все складывается жизнь.

Мне прислали документы. Три контракта на постройку яхт.

Это было невероятное совпадение не только из-за того, что Марианна тоже там живет. Сами яхты – принадлежали тем людям, которых лечила Марианна.

«Такого совпадения не может быть», – подумал я, хотя уже тогда понимал, что жизненные случайности намного более невероятны, чем сюжетные повороты лучших сценаристов.

Проблема была в том, что для переговоров и расторжения договора им нужно было ехать в Монако. Но из-за карантина сделать это было почти невозможно.

Я решил, что такая задачка мне подходит, и я могу ее ре-

шить.

Прямо из больницы я начал искать, как попасть в Европу в карантин. Один из вариантов – рабочая виза. Нужно было устроиться на временную работу во Франции. Я оформил все необходимые документы.

Уже через несколько дней я знал точно – я еду в Монако в свою первую европейскую командировку.

Только ждал, когда меня выпишут из больницы и уровень поражения легких снизится с первоначальных 70 % хотя бы в половину.

«Претензия к брокеру в том, что при прохождении сюрвей²⁰ после покупки яхты были обнаружены существенные недостатки на яхте, которые приходилось исправлять собственными силами и за собственный счет. Хотели бы вступить в судебный процесс по данному вопросу».

Три недели прошли в больнице. Я написал Марианне, что прилечу в Монако в командировку. Так уж сложилось.

Мы решаем встретиться вживую.

Меня выписывают, я еду на поезде в Москву и делаю визу. Все закрыто. Карантин. Везде блокпосты.

Лечу в Стамбул, из Стамбула – в Ниццу.

Смотрю в иллюминатор, подо мной расстилается Лазурное побережье.

На пограничном контроле мне делают экспресс-тест на

²⁰ Сюрвей – инспекция состояния судна, проводимая для оценки его технического состояния.

коронавирус. Пограничник берет мой паспорт и визу. Сканирует. Звук ошибки.

Он смотрит на меня недоумевающе. Я прошу попробовать еще раз.

Снова звук ошибки.

Меня впервые охватывает некое подобие паники. Я думаю, а реальна ли вообще моя виза? Почему она не проходит? Может, мне дали какую-то подделку?

Пограничник начал рассматривать визу под увеличительным стеклом. Я чувствовал, как на лбу проступают капельки пота. Неужто мне придется вернуться обратно? А если сейчас меня задержат?

Он пробует еще раз. Звучит звук одобрения. Виза прошла.

Пограничник выдохнул. Я еще сильнее. Пограничник как будто был рад больше меня, что виза наконец-то прошла. Напряжение спало, и меня впустили в страну.

Ницца – невероятный город. Символ Лазурного берега. Виды открываются потрясающие: на море, на невероятные яхты, на изысканные здания – музеи, исторические постройки, библиотеки и, конечно же, отели.

Но на самом деле так описать Ниццу можно было, наверное, лет 20–30 назад, когда были закрыты границы и не было сильной миграции. Ницца, которую я увидел впервые, представляла собой довольно грязный город с большим количеством бездомных, мусором, запахами запрещенных веществ и повсеместным распитием алкоголя на берегу красивого Лазурного моря.

В связи с карантином, отсутствием туристов, окончанием сезона и относительно низкими ценами я остановился в отеле Le Negresco – одном из самых известных отелей в мире. Не отель, а настоящий музей. Больше 100 номеров, стиль оформления которых не повторяется. В «голливудских по-

коях» Le Negresco останавливались Камю, Кокто, Саган и Хемингуэй. Номера каждого этажа отделаны в определенном стиле. Второй этаж украшает живопись начала XX века. Третий оформлен в стиле Людовика XV. Четвертый – ампир. Пятый – Наполеона III. При отеле открыт гастрономический ресторан Le Chatecler, который регулярно удостоивается самых высоких наград от признанных ресторанных гидов. Путеводители по Ницце обязательно рекомендуют туристам обратить внимание на портье отеля, одетого в стиле XIX века. Это неповторимое место, второго такого нет в мире.

На следующий день я поехал по делам в яхтенную компанию в Монако. Офис был в порту Эркюль, сверху располагался Княжеский дворец Монако. Но в эту командировку там все было закрыто, действовал жесткий карантин. Сделал все дела довольно быстро – там были русскоязычные менеджеры, с которыми мы оформили мировое соглашение и нашли выгодное положение для всех сторон. После этого я поднялся наверх на площадь старого города и дошел до собора Святого Николая, на смотровой площадке сделал фото домов на набережной Жан-Шарль Ре и подумал про себя: было бы здорово пожить там. Тогда я еще не знал, что скоро я остановлюсь в одном из этих домов и на несколько месяцев этот район станет моим домом.

Отправил фото Крестному и подписал: «Открытка из Монако».

Вечером на такси я вернулся в отель. Таксиста я попросил проехать вдоль дороги у моря, и она напомнила мне дорогу в Сочи. После 20.00 часов выход на улицу был запрещен, действовал карантин. В отеле была своя атмосфера.

Металлический каркас запоминающегося розового купола Королевского салона Le Negresco был выкован в мастерской Гюстава Эйфеля. Под куполом установлена четырехметровая люстра, изготовленная на французском стекольном заводе Vassarat (люстры изготовили две – одну для императора Николая II, который поместил ее в Большой Кремлевский дворец, а вторую для Анри Негреско). Пол Королевского салона по торжественным случаям застилают ковром, созданным в 1615 году для королевы Марии Медичи, площадь ковра составляет 375 квадратных метров. К Королевскому салону примыкает салон Людовика XIV, потолок которого, созданный в XIV веке, был вывезен из савойского замка Марии Манчини, племянницы кардинала Мазарини. В этом же салоне установлен 10-тонный камин из замка Отфор.

На следующий день мы встретились с Марианной в отеле. Мы сели в холле на синих диванах XVIII века. Она пришла со своим новым сожителем – французом арабского происхождения. Она была беременна от него и вот-вот должна была родить. Об этом по телефону она мне не говорила.

Марианна еще раз рассказала свою историю. Теперь – с подробностями.

Когда Руслан забрал детей, он сказал, что они теперь бу-

дут жить в Москве. Марианна прилетела. Они встретились в квартире. Началась ссора на повышенных тонах. Когда конфликт достиг пика, Руслан ее толкнул, и она сломала руку. Ей сделали гипс. Он все замаял – никакого дела не возбудили.

Марианна сказала, что боится ехать в Москву.

– А как же ваши связи? – спросил я.

– Я к ним обратилась. Они сказали, что помогут. Дали дело своему адвокату.

Адвокат спросил у Руслана:

– Ты знаешь, кто мы такие?

Он ответил:

– Знаю.

Встал и ушел.

У обоих были влиятельные покровители. Но Руслан решил действовать исподтишка. Он начал выкладывать в интернет информацию о том, что у него пытаются забрать детей. Освещать это в своих социальных сетях. Во всех сообщениях он поливал грязью влиятельных людей, которые стоят за Марианной.

– Он – как обезьяна с гранатой, – сказала она.

Они решили не влезать в это дело, чтобы не запятнать свои имена, но продолжали помогать ей финансово.

Марианна продолжала рассказывать. Как он всех купил. Что у него много денег. Он нанимает армии адвокатов, которые все решают в судах. Что у нее ничего не получается.

Мол, она хочет подавать в Тверской районный суд Моск-

вы. Просто потому что надо хоть что-то делать.

– Тверской суд не поможет, – в очередной раз сказал я. – Через год будет отказ.

– И что же делать?

– Нужно просить ваших влиятельных связей договориться с ним. Никакие адвокаты, никто это не решит.

– Я же говорю – обезьяна с гранатой. Никто не влезает, чтобы не было рисков для репутации.

– Нужно искать другой вариант, не прямого столкновения, либо хитростью, либо никак.

После я перевел тему:

– Представляете, как все совпало. Ваши работодатели ко мне обратились по яхтам, вчера я решил для них этот вопрос.

– Да, чудо какое-то.

– Неспроста это все. Я подумаю, что можно сделать. Посмотрю еще документы, подумаю, как можно обжаловать дальше в кассацию, Верховный суд, в Европейский суд по правам человека.

Марианна соглашается.

После встречи с Марианной я решил прогуляться по Английской набережной, от Le Negresco к знаменитому порту Ниццы. Солнце уже склонялось к горизонту, окрашивая небо в теплые оттенки розового и оранжевого. Я шел медленно, наслаждаясь свежим морским бризом и шумом волн, разбивающихся о камни.

Порт Ниццы предстал передо мной во всей своей красе. Яхты покачивались на водной глади, их мачты тянулись к небу, словно пытаясь дотянуться до облаков. Этот пейзаж казался знакомым – столько раз я видел его в фильмах и на фотографиях, но теперь он был реальным, осязаемым.

В этот момент мне захотелось позвонить Крестному. Он был для меня не только коллегой, но и наставником, человеком с богатым жизненным опытом. Я набрал его номер, и через пару гудков услышал знакомый голос:

– Привет, Артур! Как Ницца?

– Привет, Крестный. Ницца прекрасна, как и всегда, – ответил я. – Слушай, хотел с тобой посоветоваться насчет разговора с Марианной.

Я пересказал ему нашу беседу, ее переживания и планы. Он молчал, внимательно слушая. Когда я закончил, он вздохнул:

– Знаешь, тут маловато перспектив. В этой ситуации вряд ли получится что-то решить в привычной нам среде. Нужно искать новые пути.

Я задумался над его словами. Он всегда умел увидеть суть и дать дельный совет. Мы продолжили разговор, перейдя на другие темы. Он рассказывал о своих путешествиях по Европе, о доме в Италии, где он проводил много времени. Я ему сказал, что нахожусь в порту Ниццы.

– Зайди в маленькое кафе справа от порта. Уютное ме-

стечко, там готовят лучший буйабес²¹ во всей Франции.

Я улыбнулся:

– Спасибо за совет. Обязательно зайду.

После разговора с Крестным на душе стало легче. Его уверенность и жизнелюбие всегда заряжали меня энергией. Я направился в сторону кафе, о котором он говорил. Найти его оказалось несложно – небольшой фасад, деревянные ставни, за столиками сидят местные, ведут неторопливые беседы.

Я заказал буйабес и бокал холодного белого вина. Вкус был восхитительным, а атмосфера – непринужденной и теплой. Глядя на заходящее солнце над портом, я чувствовал, как волны спокойствия накрывают меня.

Размышляя о словах Крестного, я понял, что настало время для перемен. Возможно, именно здесь, в Ницце, начинаются новые главы моей жизни. И, может быть, Европа станет для меня не просто местом путешествий, но и домом, как для него.

Я допил вино и улыбнулся своим мыслям. Жизнь полна неожиданных поворотов, и самое время принять их с открытым сердцем.

На следующий день я улетаю обратно в Россию.

«С середины XIX века Ницца стала популярным курортом в среде русской аристократии. Утром 26 октября 1852 года императрица Александра Федоровна прибыла в бухту Виль-

²¹ Буйабес – традиционный провансальский рыбный суп, популярный на юге Франции.

франши. Выбор русской императрицы стал решающим для славного туристического будущего Лазурного берега.

В бухте Вильфранши была приобретена земля, построены дома для императорского дома. Вскоре в Ницце уже насчитывалось около 400 русских семей, владевших жильем и землей в городе. В 1912 году в городе было закончено строительство собора Святого Николая, красивейшего православного собора за пределами России. Собор был создан на средства в том числе императора Николая II.

В 1913 году русская колония в Ницце насчитывала около 3300 человек, а уже в 1930 году там жили 5312 русских, покинувших Россию во время революции. Во время Второй мировой войны многие из них эмигрировали в США».

Русская Ницца

Несколько месяцев мы общались с Марианной через социальные сети. Она все-таки нашла других адвокатов, которые представляли ее интересы в Тверском районном суде и пытались что-то сделать по ее делу.

Через полгода я снова полетел в Ниццу. У меня было несколько дел в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Мне нужно было в Германию, но попасть я мог только через Францию, был карантин.

Я подумал, что могу с ней пообщаться, а потом уже отправиться по делам. Я сказал ей, что буду проездом. Можем встретиться и пообщаться. Она написала: «Можете остановиться в квартире моего нынешнего мужчины во Франции.

Квартира небольшая, но в пяти минутах езды от Монако». Сама она все еще жила в Башне Одеон в квартире Руслана.

Я остановился в Рокбрюн-Кап-Мартен. Прямо в том месте, где снималась вторая часть фильма «Пятьдесят оттенков серого», в начале, когда они поехали в отпуск. Я был впечатлен. Новое пристанище вдохновляло как продолжение начавшихся путешествий по всему миру. Я поднялся на ту самую башню из фильма и увидел перед собой красивое Лазурное побережье.

Я узнал, что рядом, внизу у моря, есть русское кладбище в городе Ментона. Русские офицеры уезжали туда после службы. После прихода к власти большевиков многолетняя традиция оборвалась, но я решил изучить русскую тему во Франции.

Сходил на кладбище. Оно меня поразило. Древностью, красотой, какой-то невыразимой памятью по русскому духу. Почти всем захоронениям там было по 200 и 300 лет. Я видел православную часовню иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и ощущал себя наполненным, вдохновленным.

Вернувшись в квартиру, я лег спать, а проснувшись, некоторое время не мог понять, где я. Чувствовал себя так, словно проснулся в Сочи. Придя в себя, понял, что я на юге Франции. Но здесь осталась некая невесомая, невидимая связь с русской культурой, которую я познал на грани сна и реальности.

В это время в одном из Telegram-каналов вышла новость:

«Наш канал продолжает знакомить читателей с “изнанкой” мощного коррупционного клана. Бывший замминистра транспорта выстроил сеть по хищению средств ведомств и госкорпораций, в которую вошли и другие чиновники. Управлять похищенными активами и вкладывать их по всему миру чиновники поручили некоему Руслану Андрееву. Руслан стал очень богатым номиналом с недвижимостью, антиквариатом и другими активами на сотни миллионов долларов. Сам Андреев “свое состояние” оценивает в 20 млрд рублей. Расскажем немного о личной жизни этих родственников».

Мы договорились с Марианной прогуляться по Монако.

Она рассказала, что ее новый адвокат начал сливать информацию в Telegram-каналы о том, как чиновники воруют. Там было и имя Руслана, и имена его покровителей.

– Зачем вы это сделали? – спросил я. – Ничем хорошим это не закончится.

– Я не просила его об этом. Это была его личная инициатива. Позже он переслал мне эти сообщения и хотел показать свою значимость.

Она не дала внятного ответа. Рассказала, что Руслан ее везде заблокировал после сливов в интернет. Раньше она редко общалась с детьми. Теперь – нет.

Она показала мне статью про влиятельных людей, которые управляют финансами министров:

– Не нужно больше этого делать, – повторил я.

– Как мне вернуть детей?

– Точно не так. Эти люди преследуют свои цели. Они публикуют компромат, чтобы потом за вознаграждение его удалить.

– Скажите, что мне нужно делать?

– Для начала, не выносить личную информацию о вашей жизни каждому встречному. Затем договариваться.

Распрощавшись, я уехал дальше по своим делам в Германию, чтобы отвезти документы в Страсбург: заполненные формуляры жалоб с приложениями. Я думал, что моя история с Марианной на этом закончится.

На самом деле – она даже не началась. Все самое интересное случилось дальше.

Глава 4

Принцы из Африки. Монако

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone
Your WhatsApp code: 268–299
23.10.2021, 03:31»*

Шел 2021 год. Я время от времени общался с Марианной, но интенсивность нашего взаимодействия постоянно снижалась.

Конечно же, вскоре все изменилось.

Летом мне позвонила одна из бывших клиенток – Ева. Полтора года назад мы с ней работали. Она хотела отсудить алименты у мужа, который жил в Италии. Это был очень обеспеченный человек, он оценивал свое состояние в миллионы евро и имел собственную роскошную виллу на острове Сардиния.

С Евой мы когда-то встречались в Краснодаре – она снималась там в фильме. Изучив все, я увидел, что с якобы «богатого» мужа ничего не получишь. Он все переписал на бывшую жену и своих детей от предыдущих браков. Сам же по всем документам был итальянским пенсионером без доходов и имущества.

В общем, Ева позвонила мне спустя полтора года:

– Привет, Артур, давно не общались. У меня тут кое-что случилось. Можно твоего совета попросить?

– Рассказывай.

У нее двое сыновей от бывшего мужа. Одному парню нужно было делать операцию на сердце. Муж вызвался помочь всем, чем может: оплатил врачей в Европе и перелет. Потом мальчики должны были провести остаток лета на реабилитации с ним в Италии.

Она прилетела в конце августа забрать сыновей обратно – нужно было в школу в Москве. Позвонила ему, и он ей ответил, что детей не отдаст: он подал в суд, и теперь итальянский суд должен определить, с кем будут проживать дети.

– Как мне вернуть детей? – спросила Ева. – Помоги.

– Нужно не паниковать, а подходить хладнокровно к процессу, – сказал я. – Надо обращаться в полицию, в суд. У тебя какие-то документы есть?

Мы снова начали работать. Я прилетел в Италию.

Это дело развивалось стремительно: мы решили все вопросы буквально за пару недель. С полицией забрали детей обратно, так как у нее были уже решения российского суда по опеке. Не обошлось без приключений: на каком-то этапе детей изъяла местная итальянская опека. Эти знания и опыт работы с опекой еще пригодятся мне в дальнейших делах, где без взаимодействия с органами опеки невозможно было решить вопрос о возвращении. Через 48 часов все закончилось в Риме – там мы выиграли суд, и ей снова передали де-

тей.

Из-за карантина и еще действующих в Италии запретов на выезд мы решили отправиться в Ниццу и улететь из Франции. Именно тогда я встретился в Монако с Марианной. В третий раз.

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone
Your WhatsApp code: 820–293
16.11.2021»*

Марианна к тому времени сняла в Монако дом и переехала в него. Я заранее ей написал, что, возможно, буду в Ницце со своей доверительницей и ее детьми.

На поезде мы приехали из Милана. Я снял гостиницу. Ева с детьми заняла квартиру и занималась своими делами. Отдыхали от произошедших в последние две недели событий.

Мы встретились с Марианной. Она рассказала мне, что случилось за то время, пока мы не виделись.

Прошел год с тех пор, как она через нескольких адвокатов обращалась в Тверской районный суд Москвы. Был отказ в иске, но ее адвокаты не смогли даже подать апелляцию, обжаловать решение первой инстанции. Один из ее очередных юристов, какой-то русский итальянец, не принес в суд свой диплом о высшем образовании и получил отказ.

– Вот видите, – сказал я. – Год прошел. А я вам что изначально говорил? Предупреждал. Просто год потратили впустую. Сразу говорил, что тут нужно решать вопрос по-дру-

тому – через суд все это никак не решить.

– Помогите мне подать апелляцию, – просила Марианна. – Если она состоится, может, суд вернет мне моих детей.

Она снова надеялась на российский суд до последнего. Но я понимал, что по этой апелляции она в любом случае получит отказ. В законе имеются четкие формулировки. Об этом мне говорил и Крестный.

Весь последний год наше взаимодействие сводилось к тому, что она давала мне контакты своих знакомых из Москвы, и я помогал решать их проблемы. То есть к этому времени у нас сложились приятельские отношения. Даже скорее – приятельско-рабочие.

Мы еще раз обсудили дела ее друзей, и я видел, что Марианна мне доверяет.

Она сделала на меня доверенность, чтобы я все-таки подал новую апелляцию уже в Московский городской суд.

Я согласился, чтобы навсегда поставить точку в этом вопросе. Чтобы она поняла, что это ни к чему не приведет.

В Ницце я пробыл три дня. Ездил в церковь Архангела Михаила, расположенную в городе Канны на бульваре Александра III, просто по-туристически гулял по Лазурному побережью. Мы могли улететь сразу, но билеты были очень дорогие, и мы с Евой ждали подходящего рейса в Россию.

Оказалось, что Ева и Марианна были знакомы задолго до нашей встречи в Монако. Они состояли в одной группе –

«Право на маму»²² – и уже успели подружиться. Пока я занимался своими делами, не подозревая об их неожиданной встрече, они столкнулись на одной из узких улочек Монте-Карло.

Марианна, увидев Еву с детьми, будто бы обрела новое дыхание. Она рассказывала мне потом, как смотрела на улыбающихся малышей, крепко держащихся за руки матери, и ощутила проблеск надежды. В тот момент она поняла: нет ничего невозможного. Если Ева смогла вернуть своих детей, то и она сумеет.

Мы встретились вечером в уютном кафе у порта. Марианна выглядела вдохновленной, в ее глазах горел огонек веры.

– Я видела Еву сегодня, – сказала она, едва сдерживая эмоции. – Видела ее детей. Это было словно знак. Я знаю, вы можете помочь мне вернуть моих.

²² «Право на маму» – группа поддержки матерей, борющихся за права на опеку над детьми.

Я внимательно слушал, ощущая, как ее слова проникают в самое сердце. Перед нами стояла сложная задача, но Марианна верила в меня безоговорочно.

– У нее была точно такая же ситуация, – продолжала она. – Тот же отец, такой же влиятельный и богатый. Но дети теперь с ней. Значит, и у нас есть шанс.

Ее решимость передавалась и мне. Я понимал, насколько важно для нее это дело, и был готов приложить все усилия, чтобы помочь. В конце концов, мы были не просто адвокат и клиент; нас связывало общее стремление к справедливости.

Перед тем как мы расстались, Марианна посмотрела на меня с надеждой.

– Спасибо, что верите в это дело так же, как и я, – тихо произнесла она.

Я кивнул, стараясь скрыть охватившие меня эмоции.

– Мы сделаем все возможное, – ответил я. И в тот момент я был уверен, что так и будет.

Позднее, когда солнце начало клониться к закату, Марианна отвезла нас в аэропорт Ниццы. Дорога пролегла вдоль моря, и в свете заката волны казались золотыми. Мы молчали, каждый погруженный в свои мысли. Но в этом молчании было больше понимания, чем могли выразить слова.

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone
Your WhatsApp code: 539-239*

15.12.2021»

Я возвращаюсь, и ко мне обращается Левинская, героиня следующего кейса. Шел декабрь.

В начале 2022 года я составляю и отправляю апелляционную жалобу в Московский городской суд как представитель Марианны – это был первый юридический документ.

Позже, в феврале, я снова оказываюсь проездом в Монако по делу Левинской. Веду ее дело, подробнее о нем расскажу в следующей главе.

Параллельно развиваются события, связанные с Марианной.

Итак, я снова оказался в Монако. На этот раз – из-за вакцины. Как только я прилетел, Марианна отправила меня в свою квартиру в Монако, которую она снимала, чтобы не потерять вид на жительство. Она жила в доме, а квартира все равно пустовала.

Во время наших прогулок по Монте-Карло Марианна рассказала, что познакомилась с двумя принцами из африканской страны Нигер. Страна делилась на штаты, и отец этих самых принцев был губернатором одного из штатов.

История меня впечатлила, но я был во власти предрассудков. Представлял себе принцев из африканских шалашей – в набедренных повязках. Открыв Википедию и вбив их имена, я изменил мнение кардинально. Нашел целую статью о них. У одного из принцев, к примеру, была собственная футбольная команда. У его жены – родители-нефтяники из мирово-

го списка Forbes. Это не просто очень богатые люди – это еще выше. Можно сказать, еще на несколько уровней выше Марианны с Русланом.

Принцы учились в Лондоне и в США. Один из них стал адвокатом в Африке, а второй подался в предприниматели – занимался нефтью, солнечными панелями, оружием. К тому же вступил в партию и стал политиком. Он сказал, что через полгода будут выборы президента и он будет одним из кандидатов на пост президента страны.

С принцами Марианну познакомил ее старый знакомый серб, который занимался в Африке алмазами и продавал их в Европе.

Марианна впервые обратилась ко мне с делом одного из братьев-принцев; со вторым мы познакомимся чуть позже. Вот в чем было дело.

Младший брат, будучи адвокатом, хотел заработать на африканском арт-рынке, продавая большие африканские статуэтки – тотемы высотой в половину человеческого роста. По его словам, они представляли значительную историческую ценность для его страны. Он оформил документы, чтобы вывезти их в Европу и показать в музеях. Серб на личном самолете сначала доставил их в Италию. Принц и серб планировали продать тотемы.

У них даже появился покупатель. Изначально африканским искусством занимался русскоязычный коллекционер из Нью-Йорка, но он умер, и, казалось бы, больше ни у ко-

го интереса к тотемам не было. Тем не менее в поле зрения возник русский миллиардер. Его помощница вышла на серба с принцем, чтобы якобы купить статуэтки. Они вели переговоры. Стоимость всей коллекции составляла около миллиона долларов.

– Помощница эта какая-то странная, – сказала Марианна. – Постоянно юлит, просит какие-то документы, подтверждения. Вы можете помочь нам в этом вопросе?

Я был в полной неопределенности в Монако. Любая деятельность могла бы помочь мне почувствовать почву под ногами. Я согласился.

– Конечно, – ответил я.

– Требуется связаться с этой помощницей и продать эти статуэтки.

– Давайте попробуем, – согласился я.

Мне дали контакты помощницы. Серб сделал на меня доверенность, чтобы я мог представлять его интересы. Так я попал в сферу искусства Африки.

Я пишу этой самой помощнице, что я адвокат и буду представлять интересы серба и принца. Объясняю, что у меня доверенность и я веду их дела.

Помощница на какое-то время пропала. Не отвечала на звонки и сообщения. Потом объявила мне, что принц с сербом – мошенники, никаких статуэток у них нет, а они просто хотят обмануть доверчивого миллиардера.

Я решил разобраться. Ситуация выглядела крайне подо-

зрительно.

Из открытых источников я обнаружил, что она была про-
давец в магазине и у нее есть потребительские кредиты на
небольшие суммы.

Проведя свое расследование, я выяснил, что именно она –
мошенница. Серб с принцем хотела просто-напросто обма-
нуть, получив юридические документы на африканские ста-
туэтки.

Я рассказал все Марианне.

– Да уж, дела-а-а, – протянула она. – Скажите, вы можете
дальше заняться этим вопросом? Попробовать найти поку-
пателя?

– Да, конечно, – подумал я про себя, – все равно, пока я
тут, в Монако.

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone
Your WhatsApp code: 298–674
20.04.2022»*

Серб должен был лично приехать к нам, чтобы сходить в
Sotheby's – крупнейший аукционный дом в мире. Один из
филиалов был в княжестве. Серб приехал, нас забрала Ма-
рианна, и мы познакомились.

– Здравствуй, мой православный друг, – сказал серб на
русском с явным акцентом.

Мы поехали в Sotheby's, он взял с собой пару небольших
статуэток на продажу и все документы. Менеджеры все по-

смотрели, но ничего не взяли. Я подумал: «Почему же так?»
– А экспертизу проводили? – спросил я у серба.
– Конечно, это древние и уникальные статуэтки, – сказал серб. – У нас имеются все документы из Африки.

Я все равно считал, что ситуация какая-то странная. Когда я искал информацию о деле, я видел, что похожие статуэтки на аукционах сразу по миллиону евро продавали. А эти не были интересны аукционным домам. Почему?

Сомнения разрешились намного позже.

Уже спустя год в Москве я нашел человека, который занимается африканским искусством. Он объяснил мне, что все статуэтки – подделки. Мол, они даже исполнены очень грубо.

Так они статуэтки эти и не продали. Скорей всего принц-адвокат пытался просто получить выгоду на этих подделках с помощью юридической легализации своих африканских документов в суде Африки.

Марианна туда вложила деньги, потому что должна была получить процент от продажи.

Но все это я выяснил намного позже. Сейчас я все еще находился в Монако. Не вынужденно – из-за прививки и специальной военной операции²³.

Мы постоянно общались с Марианной – она гуляла с коляской, я проводил время с ней, параллельно решая ее во-

²³ Специальная военная операция (СВО) – термин, используемый в России для обозначения событий в Украине, начавшихся в 2022 году.

просы.

Я рассказал только об одном из ее обращений. Были и другие. Об этом будет позже.

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone*

*Your WhatsApp code: 211-203
25.04.2022»*

Была еще одна история, которая нас связывала в тот момент. Расскажу предысторию.

Когда я находился в Сочи, ко мне через знакомых обратился мужчина. Они с командой делали футбольную игру в метавселенной. У них были зарегистрированы товарные знаки и доменные имена с 2017 года. С его слов, в эту игру они вложили несколько миллионов долларов.

Команда над этим работала. Все изменилось осенью 2021 года. Произошел ребрендинг одной из больших международных компаний. Они стали называться так же, как их товарные знаки. За месяц до этого на них начали выходить адвокаты из США, которые предлагали по полмиллиона долларов за товарные знаки и их домены. Но сделку не успели заключить, и случился ребрендинг. Все сразу увидели – это золотая жила. Теперь их домены и разработки будут стоить намного дороже.

Из-за денег у партнеров случился конфликт. Команда рассыпалась. Компаньон слился.

Они начали делить все. Один партнер оставил за собой

товарные знаки. Второй сохранил право на домены – как раз тот, с кем я общался. Антон.

Получилось так, что у него не осталось денег. Он боялся, что у него все отберут или отсудят, потому что его бывший компаньон – довольно влиятельный человек.

– Спаси домены, – просил Антон меня. – Их нужно продать. У меня ничего не осталось. Я все свои деньги туда вложил. Все развалилось.

– Ну и зачем мне это нужно делать бесплатно? Тут нужно потратить много времени, а самое главное – расходов.

– Я могу эти домены переписать на тебя или на кого скажешь. Когда мы их продадим, твой гонорар будет половина.

Я решил, что можно попробовать. Если домены и впрямь можно было продать, риск казался оправданным.

Я снял Антону квартиру в Сочи. Мы даже купили ему билеты в Европу. Якобы он улетел за границу. Чтобы партнер, если будет его искать, думал, что он спрятался за границей. Я поселил его рядом со своим домом. Относился как к родному.

Мы с Антоном были довольно близки. Тогда я еще не знал, что случится через год после нашего знакомства и каким человеком он окажется. Что на пути к продаже он попытается исчезнуть, но мы пресечем его попытку.

Тем не менее вот из-за такой случайности я вдруг попал из сферы международного похищения детей в сферу высоких информационных технологий.

В середине февраля я говорю, что улетаю в Европу. Потом в Америку. Попробую выйти на адвокатов, которые раньше писали Антону, чтобы купить домены. И постараюсь с ними договориться на приемлемую цену.

Дальше случается известное.

Начинается СВО, начинается полная неопределенность. Я нахожусь в Монако. Домены все еще у Антона. Они зарегистрированы на иностранном хостинге в США. Хостинг выкладывает баннер, что они поддерживают Украину. Блокируют всех русских. Начинается паника. Они могут все заблокировать.

Антон говорит, что срочно нужно переписать домены. Я ему отвечаю:

– У меня есть знакомая Марианна. Она родом из Молдовы. Вид на жительство в Монако и США. Сейчас она рядом со мной. Давай на нее все перепишем. Сделаем на меня полную доверенность, что она передает домены мне в полное управление, и я продолжу заниматься продажей.

Антон соглашается. Оформляем все необходимые документы. Он дает все логины, пароли, телефон. Мы все переписываем на имя Марианны. Антон говорит:

– Теперь я не имею никакого отношения к ним, все в ваших руках.

– Не переживай, все под контролем. У меня есть полная доверенность, и в случае форс-мажора я смогу предпринять все необходимые действия.

У нас с Антоном были общие хорошие знакомые. Очень близкие для меня. Они были гарантами данного джентльменского соглашения.

Так мы и общаемся с Марианной: она мне – про статуэтки, я ей – про домены.

В тот период не было никакой цены на домены. Официально на хостинге они продавались по 50 долларов. А адвокаты, которые раньше обращались к Антону, предлагали по 500 тысяч долларов за каждый домен. Даже предлагали назвать сумму, за которую он хочет продать.

– Я проверил все – мне сказали, что сейчас домены можно продать не менее чем за 100 млн долларов, – говорил одержимый Антон.

Я не верил. Рассчитывал на ту цену, которую в переписке до осени 2021 года озвучивали адвокаты из США.

Позже я выяснил, что часть писем от адвокатов написал сам Антон. После осени 2021 года не было ни людей, ни настоящих адвокатов, ни полностью заинтересованной стороны. Он просто воспользовался ситуацией, чтобы кто-то занялся этим и продал их.

Марианна пишет в Париж адвокату, которая якобы ранее отправляла предложение о покупке Антону. Через пару недель от нее пришло письмо: «У меня есть клиенты, которые готовы купить домены по 10 тысяч евро за каждый».

То есть их максимальная цена была 30 тысяч евро. Неплохие деньги, но это не те миллионы, о которых была речь из-

начально. Это было первое и последнее предложение о покупке, которое действительно я видел.

*«Your WhatsApp account is being registered on a new device
Do not share this code with anyone
Your WhatsApp code: 389–221
29.04.2022»*

Я все еще в Монако.

С октября мне начинают приходить настойчивые сообщения. Начинается ребус, который я так и не разгадал до конца, у меня остались лишь подозреваемые.

В три часа утра мне приходит первое сообщение в WhatsApp. Кто-то ввел мой номер. Мне пришел пароль. Кто-то пытается зарегистрировать мой аккаунт на новом устройстве. Эти сообщения начали приходить регулярно: раз в несколько дней. Кто-то вводил мой номер телефона постоянно. Вроде и ерунда, но постоянство и настойчивость таких напоминаний напрягали. Как будто кто-то пытался захватить мое внимание, заставить постоянно думать об опасности взлома – и он произошел позже. Так я лишился своего аккаунта в Instagram²⁴. Который я не смог восстановить и вернуть к нему доступ.

Как выяснилось потом, такие же сообщения приходили и самому Руслану, главному герою нашей истории.

Я подозреваю, что это как-то связано с Марианной, ее ад-

²⁴ Продукт компании Meta, которая является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

вокатами, связями. Дело в том, что в отношении Руслана и его связей именно в это время начинается информационная атака. В сеть продолжают вываливать статьи о коррупционных схемах замминистра транспорта.

«После публикации материалов об общаке экс-замминистра транспорта и других лиц в 30 млрд рублей, похищенных у государственных компаний и переданных “во временное управление” Руслану Андрееву, Андреев срочно отбыл на территорию Европы в Княжестве Монако, где планирует при первой возможности провести личную встречу с адвокатом.

Андреев уже в соцсетях отправил приятелю шутовское послание с острой карикатурой. Встретиться они собираются по двум вопросам.

Первое касается Telegram-канала, на который оба имеют “огромный зуб”.

Второе – проконсультироваться на случай, если истории с “общаком” силовики все-таки решат дать ход. В Россию Андреев планирует вернуться лишь после того, как другие причастные к хищениям лица решат с правоохранительными органами все вопросы и стихнет инфошум».

Началась своеобразная война кланов внутри властных структур. Чтобы снести замминистра, начали публиковать порочащие его статьи. Это получилось. Цепь разорвалась. Слабым звеном был Руслан.

Он перестал быть замминистра, его отправили в отставку.

Марианне начали писать знакомые, даже те, которые давно с ней не общались. Спрашивать, узнавать, интересоваться. Во всех статьях было имя Руслана. Марианну тоже упоминали, рассказывая про похищение детей и купленные суды в России.

Я из Монако за всем этим наблюдал. Это была «борьба башен»²⁵. Такой вот способ войны.

Через несколько дней после очередной статьи Марианне говорят, что Руслана видели в аэропорту Монако с детьми.

Он сбежал из Москвы, пока было не слишком поздно. Публикации наносили непоправимый ущерб его репутации, и он оказался на грани задержания.

Она спросила у меня:

– Артур, что мне делать?

– Если он в квартире в Монако, давайте сходим к нему в гости. Увидите детей, я с ним попробую пообщаться. Тем более ранее я отправил ему копию апелляционной жалобы, которую он получил, он знает, что сейчас я ваш адвокат.

У нее было временное решение суда в Княжестве Монако о том, что дети должны жить с ней.

– Я вам помогу, поддержу, – объяснил я. – Вызовем полицию, прокуратуру, а там посмотрим.

На следующий день мы отправились на квартиру, но Руслана там уже не оказалось. Он пробыл там только один день.

²⁵ Выражение, обозначающее конфликт между различными влиятельными группами или структурами власти.

Видимо, просто посмотрел квартиру, чтобы выставить ее на продажу. 66 квадратных метров за 15 млн евро. Недвижимость дорогая даже по меркам Монако.

Мы решили пойти на паркинг. Вдруг он все еще в Монако, просто отъехал? У Руслана был синий Bugatti.

Ранее я посетил выставку машин в музее князя Монако, которая была напротив моего дома в Монако. Паркинг в доме напоминал эту выставку – настоящий музей: Bentley, Maserati, Ferrari, Batmobile, да чего там только не было. И цвета – настолько пестрые, что рябило в глазах. Я никогда такого не видел.

Его автомобиль стоял на парковке, густо покрытый слоем пыли.

– Позвони ему, – сказал я. – Вдруг он еще в Монако. Надо вести диалог. Хватит судов.

Она позвонила ему при мне.

– Руслан, привет, я слышала, ты в Монако, – ее голос был слабым и неуверенным, она как будто выдавливала из себя слова. – Я хочу увидеться с детьми.

Он ответил грубым, жестким голосом:

– Я не в Монако. Поздно.

Марианна поникла, погрузилась. Я старался ее утешить, но все было тщетно.

Один день все решил. Вчера она не могла, потому что не с кем было оставить младшего сына. Если бы мы попали сюда на день раньше, вся история могла бы закончиться. Был

шанс. Но случай не дал ей возможности.

Тем не менее Марианна увидела, что я готов на поступки, когда мы вместе отправились искать Руслана и пытаться увидеть ее детей. Пусть не сложилось, но мы стали лучше понимать друг друга.

Параллельно продолжалось дело Левинской.

– Оставайтесь здесь, с вами мне спокойнее, – просила Марианна. – Там у вас война началась. Я буду в доме, а вам – квартира.

– У меня не закончились дела в Майами, – объяснил я. – А еще у нас есть общие дела, которыми нужно заняться.

«У меня своя война», – подумал я про себя.

Солнце медленно опускалось за горизонт. Я стоял на балконе квартиры, наблюдая, как огни города зажигаются один за другим, отражаясь в спокойных водах Средиземного моря.

Мой телефон завибрировал на столе, высветив на экране знакомое имя: «Крестный». Я взял трубку, зная, что разговор будет непростым.

За это время мы стали намного ближе.

– Привет, Артур, – его голос всегда звучал уверенно и немного назидательно.

– Здравствуйте, Крестный, – ответил я, стараясь скрыть усталость в голосе.

– Как там в Монако? Какие дела тебя туда занесли на этот раз?

Я сделал глубокий вдох, оглядываясь на бескрайнее море перед собой.

– Работа, как всегда. Клиенты требуют внимания.

– Артур, я беспокоюсь о тебе, – начал он, и я уже знал, к чему это приведет. – Ты слишком рискуешь своими делами.

Я усмехнулся про себя. Это было не в первый раз.

– Крестный, вы же знаете, что моя работа связана с риском. Но именно поэтому она приносит результаты.

– Ты понимаешь, что твой подход к юриспруденции... необычен? – его голос был серьезным. – У тебя свое видение, которое выходит за рамки обычного.

– В мире, в котором я работаю, стандартные методы не работают, – ответил я. – Мои клиенты – люди из разных стран, с разными законами и влиянием. Обычная юриспруденция здесь бесполезна.

– Именно это меня и беспокоит, – он сделал паузу. – Влияние, деньги, иностранные суды... Это опасная игра, Артур.

Я почувствовал, как раздражение растет внутри меня.

– Я знаю, что делаю.

– Я видел, как многие талантливые люди сгорали, думая, что они всесильны. Я не хочу, чтобы ты повторил их ошибки.

– Что вы предлагаете? Оставить все и заняться бумагами в офисе?

Он тихо рассмеялся.

– Нет, я знаю, что это не для тебя. Но иногда стоит остановиться и подумать, прежде чем делать шаг. Вспомнить о

последствиях.

— Я всегда думаю о последствиях, — возразил я.

— Не всегда, — мягко парировал он. — Ты увлекаешься идеями, забывая о реальности. Я лишь хочу, чтобы ты был осторожнее.

Мы помолчали несколько секунд.

— Хорошо, я учту ваши слова, — наконец сказал я.

— Я рад это слышать, — с облегчением произнес он. — Береги себя.

После окончания разговора я долго сидел в тишине. Его слова эхом отдавались в моей голове. Может быть, он прав? Может, я действительно слишком рискую?

Я вспомнил все те дела, которыми занимался в последнее время: сложные международные соглашения, темные коридоры юриспруденции, где одно неверное движение могло стоить дорого. Мое особое видение приводило меня в места, о которых многие могли лишь догадываться.

Возможно, пришло время пересмотреть свои приоритеты.

Но глубоко внутри я знал: остановиться сейчас я не мог. Слишком многое было поставлено на карту. Монако манило своими возможностями, и я был не из тех, кто отступает перед трудностями.

Я вдохнул свежий вечерний воздух. Город светился, жизнь кипела, и впереди меня ждали новые вызовы. Но слова Крестного останутся со мной, напоминая о том, что даже в самом безумном деле нужно сохранять здравый смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.